

Алексей Живой

КОЛОВРАТ

СУДЬБА

Коловрат

Алексей Живой
Коловрат. Судьба

«Издательство АСТ»

2022

Живой А.

Коловрат. Судьба / А. Живой — «Издательство АСТ»,
2022 — (Коловрат)

ISBN 978-5-17-102881-7

Обескровив дружину князя Юрия в сражении на реке Воронеж, полчища хана Батия стремительно продвигаются к Рязани. Вторжение началось. Уже рыщут передовые отряды татар по землям княжества. Осажден Пронск, горят Белгород с Ижеславлем. Вокруг самой Рязани все туже сжимается кольцо окружения. В последний момент князь Юрий отправляет за помощью в Чернигов посольство во главе со своим братом Ингварем. С ним едет и боярин Коловрат с небольшой дружиной и тайным наказом. Слишком уж много подозрений вызывает Ингварь, сам желающий стать властителем княжества. Нависшая над Рязанью угроза не пугает остальных князей Руси, занятых своими распрями. Все выжидают. И только Кондрат Зарубин, дух которого перенесся в тело Коловрата из двадцатого века, знает, что это начало татарского нашествия. Очень скоро вся Русь запылает в огне. Воевода уверен — без подмоги Рязань обречена. Он уже предпринял много тайных шагов, чтобы город продержался дольше. И Рязань стоит под ударами полчищ Батя, словно ее защищают бессмертные. Случайно в руки к Коловрату попадает древняя тайна, способная изменить ход истории. Судьба Рязани теперь в его руках.

ISBN 978-5-17-102881-7

© Живой А., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	11
Глава третья	16
Глава четвертая	23
Глава пятая	30
Глава шестая	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Алексей Живой

Коловрат. Судьба

Глава первая

Посольство

С утра подморозило. Осторожно ступая по неглубокому снегу, ломкая корочка которого предательски хрустывала под ногами, Евпатий с Ратишей медленно пробирались между стволами вековых сосен, озираясь от каждого шороха. Позади них также тихо кралась дюжина ратников с арбалетами в руках. Больше людей для этой вылазки в окрестности Пронска воевода решил не брать.

– Коней оставим здесь, на опушке, – приказал Евпатий Ратише, спрыгивая на снег, когда они приблизились к Пронску на расстояние нескольких верст, – дальше нельзя, услышать могут. Пусть двое приглядят за ними. Быстро сходим, поглядим, что к чему, и назад. А то Ингварь и так занервничал.

Понятливый Ратиша молча кивнул. И вскоре отряд разведчиков во главе с рязанским воеводой направился в сторону близкого уже города.

Князь Ингварь, возглавлявший посольство в Чернигов, остался далеко в тылу. В лагере, что раскинулся в чаще зимнего леса, под охраной полутора тысяч всадников. Ходили слухи, что татары уже обложили Пронск со всех сторон и вот-вот пойдут на приступ. От воеводы Ореха давно не было вестей, а Ингварь хотел знать, что происходит в городе, – ведь Пронск был его вотчиной. Поначалу князь сам вознамерился ехать к Пронску. И рязанскому воеводе стоило больших трудов уговорить Ингваря схорониться пока с отрядом в лесу.

– Твоя жизнь, княже, вдвое ценнее сейчас, – увещевал Коловрат Ингваря, выдыхая морозный воздух в бороду. – Незачем тебе рисковать. Рязань помощи скорой ждет. Если мы с посольством быстро обернемся, да еще с подмогой придем, то и Пронск, глядишь, устоит. А что вокруг него деется, я сам скоро разузнаю. Возьму дюжину бойцов и быстро, без шума, схожу туда-обратно. Да тебе потом все подробно обскажу.

Коловрат помедлил, поймав настороженный взгляд стоявшего чуть поодаль Тишило, – тысяцкого и правой руки Ингваря, которого недавно обошел в борьбе за место воеводы Рязани. Недобро смотрел на него тысяцкий. Исподлобья. Пряжка с золотым петухом тускло поблескивала на багровом плаще Тишило, вызывая у Евпатия неприятные воспоминания о странной смерти Евпраксии с младенцем. Слишком уж много загадок в ней было.

– Ну, а если что со мной самим приключится... – закончил воевода, обменявшись взглядами с Тишило, – то это ведь беда меньшая будет. Ты, княже, дорогу до Чернигова и без меня найдешь. А Тишило мое место займет. Он у тебя воин отменный.

– Ладно, – нехотя согласился Ингварь, запахиваясь в плащ, – будь по-твоему. Иди один, только возвращайся быстрее. Нам сейчас каждый день дорог.

– Я мигом, княже, – кивнул Коловрат.

Князь с Тишило отошли к шатрам, расставленным для ночевки в самой чаще леса, а Евпатий подозвал Ратишу, велел тому быстро отобрать дюжину верных людей.

Когда все было готово, а облаченный в доспех воевода запрыгнул на коня, рядом показался Лютобор. Это был отменный воин, тысяцкий, верой и правдой давно служивший не только рязанскому князю, но и самому боярину.

– Остаешься за старшего в лагере, охрана князя на тебе, покуда я не вернусь, – приказал Коловрат. А чуть свесившись с седла, шепнул: – И присмотри за Тишило. Ежели задумает весточку кому послать – перехвати. Только тихо.

– Будет исполнено в лучшем виде, – кивнул Лютобор, – не беспокойся, Евпатий Львович, я свое дело знаю.

Распрявившись в седле, Коловрат наподдал коню по округлым бокам и пустился во главе отряда вскачь по неглубокому снегу.

Вскоре разведчики без приключений приблизились к самому краю густого леса, плотной стеной окружавшего Пронск, и затаились, слившись со стволами деревьев. На каждом поверх доспехов была накинута серо-черная дерюга из мешковины, делавшая это воинство менее заметным. На дворе хоть и стояла зима, только ранняя, да и выдалась она теплее обычного в этом году. Морозы перемежались оттепелями. То скует, то разведет. Оттого снегу в лесу было немного и деревья черными истуканами стояли сплошной стеной. А кое-где даже виднелась земля, разрытая оголодавшими кабанами.

Дальше начиналось чистое поле, выходить в которое боярин не намеревался. Пока что никаких татарских разъездов им не попадалось, хотя следы от копыт наметанный глаз Коловрата отметил уже не раз. Значит, шныряли они по округе, только вот где лагерем встали – было неизвестно. В любом случае нужно было держать ухо востро.

Затаив дыхание, воевода прижался к широченному стволу сосны и чуть пригнул заиндевелую ветку, оглядывая раскинувшееся перед ним поле. На дальнем конце белой равнины в морозном утреннем тумане виднелись зыбкие силуэты башен Пронска. Опустив взгляд пониже, боярин вздрогнул. От неожиданности ветка вырвалась из рук. Воевода совладал с собой и снова отогнул ветку вниз.

Буквально в сотне шагов, спиной к лесу, выстроился отряд конницы. Наметанный глаз воеводы насчитал примерно три сотни человек. На каждом был длинный пластинчатый доспех, укрывавший даже ноги до колен подобием бронеюбки. Развернувшись к строю лицом, сидел на коне и что-то горланил низкорослый военачальник. Лошади осторожно переступали с ноги на ногу, пофыркивали, размахивая хвостами. В утренней тишине не только резкий голос командира, но даже эти, едва различимые звуки, достигли ушей рязанского воеводы.

– Татаре... – пробормотал Коловрат, вглядываясь пристальнее. – Вот и свиделись.

Чуть поодаль за полем наблюдал Ратиша, также отогнув ветку сосны.

– Смотри, Евпатий Львович, – проговорил он вполголоса, – вон там, левее, у дальней кромки леса.

Коловрат перевел взгляд в указанном направлении и заметил гонца, скакавшего по дороге, что стелилась едва заметно посередине поля. Приглядевшись, боярин обнаружил вдали островерхие маковки походных шатров, усеявших всю оконечность равнины. В лучах медленно восходящего солнца туман над лагерем почти рассеялся, и теперь Евпатий мог видеть многочисленные дымы от костров, на которых готовилась пища.

– Ну вот, – пробормотал довольный увиденным воевода, повернувшись к Ратише. – Значит, приступа еще не было. Пронск не взят. И даже где лагерь татарский стоит, теперь знаем.

Воевода умолк на мгновение, словно решая что-то для себя. Даже чуть сдвинул в задумчивости на затылок островерхий шлем с кованым золоченым наносником и зрением¹, что закрывало сразу глаза и нос. Шею Евпатия прикрывала кольчуга-бармица, сплетенная из мелких колец и прочно прикрепленная к основанию шлема.

Некоторое время Коловрат мысленно спорил сам с собой, но потом махнул рукой и с сомнением произнес:

– Увидели довольно. Можно и назад к Ингварю возвращаться. Только вот надо бы...

¹ Зрение – элемент шлема в виде пластины с прорезями для глаз.

– Ты о чем толкуешь, Евпатий Львович? – недопонял Ратиша, стряхнув сосульки с бороды, намерзшие от дыхания.

– Дорога эта, что в лагерь ведет, больно мне знакомая. Ежели по ней в лесок углубиться, то аккурат будет другой лагерь. Захара, моего приказчика, – развивал мысль воевода, привалившись спиной к сосне и вернув шлем обратно на лоб, – он там ополчение мужицкое собирать должен был вместе с сотниками Еремеем да Белояром. Только вестей от Захара нет с самого татарского нападения. Проверить бы, живы ли они вообще. Отсель рукой подать.

– Это верно, Евпатий Львович, недалече отсель и проверить бы надобно, – подтвердил Ратиша, бросив взгляд на поле, по которому сновали гонцы. – Только разумею я, что татары всю округу прошерстили давно. Если и жив твой Захар, то ушел со своим крестьянским войском в глубину леса и там схоронился. А ежели не успел... и бой принял, то уж кости их давно в сырой земле лежат, занесенные снегом.

– Типун тебе на язык, – отмахнулся воевода, затем обернулся, отогнул ветку и снова посмотрел на татарское войско. – Захар, конечно, не военачальник, но и не дурак. Помнишь, как хитро все дело с лагерем организовал? Не подкопаешься. А Еремей с Белояром, что при нем, сотники не из последних. Чую, живы они. Но проверять сейчас не резон, тут ты прав. Искать начнем – на татар точно нарвемся. На обратном пути разве что.

Воевода еще некоторое время молча наблюдал за полем. В этот момент до него долетела резкая команда. Татарский военачальник махнул плеткой. Конница, долгое время стоявшая недвижимо, вдруг сорвалась со своего места и направилась в сторону лагеря. Только стук копыт по замерзшей земле донесся до слуха разведчиков.

– Уходят, – произнес Коловрат и, посмотрев на Ратишу сквозь прорези своего шлема, добавил: – И мы пойдем, пожалуй. Все, что надо, видели.

Но, едва успел Евпатий развернуться и сделать шаг в сторону чащи леса, как раздался свист, и тотчас в сосну, в двух вершках от его головы, с чавканьем вонзилась стрела. Коловрат бросился вниз. Упал в ложбинку меж деревьев, сдернул с плеча арбалет. В то же мгновение новая стрела вонзилась в сосну, туда, где еще пару вдохов назад была его грудь.

Стряхнув снег с лица и осторожно приподняв голову, воевода пригляделся. Ратиша и остальные попрятались за деревья. Первым под обстрел нападавших попал сам Коловрат, но, к счастью, воевода рязанский пока был цел и невредим. Вокруг тоже никто не стонал, хотя теперь стрелы свистели повсюду.

«Нарвались все-таки на татар. – пронеслось в голове у Евпатия. – И куда только дозорные смотрели? Ладно, потом дознаюсь и казню, если будет кого. А сейчас надо выбираться».

– Все живы? – крикнул Коловрат, снова чуть приподнимая голову.

– Вроде все, Евпатий Львович, – ответил ему Ратиша, приникший со снаряженным самострелом к большой сосне в пяти шагах, – никто не жаловался покудова.

– Ну, тогда в атаку, соколы, – зычно крикнул Коловрат, приподымаясь с арбалетом наперевес. – И чтоб ни один живым не ушел. Вперед, за мной!

Воевода первым побежал в лес, ловко перескакивая через небольшие сугробы между соснами и елками. Следом за ним, словно лешие из-под земли, повылазили бойцы в «маскхалатах» из мешковины и бросились в атаку за воеводой.

Коловрат успел пробежать десять шагов и резко пригнуться, заметив едва уловимое движение между елками, когда новая стрела со звоном отскочила от его шлема. Евпатию опять повезло. Но на этот раз Коловрат хорошо разглядел стрелявшего и место его схрона. Воевода резко присел на колени, спустив курок. Арбалетный болт² пролетел положенное расстояние, шагах в двадцати, и пробил коричневый кожаный панцирь, надетый на низкорослого татарина в меховой шапке. Татарин вдохнул короткую стрелу всей грудью, харкнул кровью и больше

² Болт – так называли стрелу для арбалета.

не выдохнул. Его жизнь на этом закончилась. А мертвое тело, выронив изогнутый лук, повалилось в сугроб.

Перезарядить арбалет Евпатий не успел. Но второго татарина, который неожиданно вырос перед ним и замахнулся саблей для смертельного удара, сразил Ратиша, бежавший следом. Болт пробил татарскому воину шею. Тот рухнул лицом в снег прямо под ноги Коловрату, все еще крепко сжимая саблю.

Тотчас в стороне воевода услышал еще два сдавленных крика, слившихся воедино. Там почти одновременно отдали богу души два человека, но кто из них русский, а кто татарин, пока было не разобрать.

Выхватив меч, Ратиша осторожно направился в обход большой заснеженной елки, позади которой воевода заметил движение. Отбросив арбалет, Евпатий тоже вынул свой клинок и двинулся вперед. Сделав несколько шагов, он неожиданно оказался лицом к лицу со здоровенным татаринном, яростно вращавшим саблей. В другой руке тот держал круглый щит. Воин был одного с ним роста, но зато вдвое шире в плечах.

Коловрат успел рассмотреть позади него небольшую поляну, на которой стояли оседланные кони, и еще одного татарина, державшего их под уздцы. Был ли там еще кто-нибудь, Евпатий так и не узнал. В следующее мгновение на голову ему обрушился сильнейший удар сабли. Отразив его, Коловрат поневоле сделал шаг вправо, потом назад и перешел к обороне. Татарин в кожаном доспехе, усиленном на груди и плечах пластинами, так мощно напирал, что воевода был вынужден долго кружить возле него, уклоняясь от ударов, а затем вообще отступить с поляны в глубину леса.

– А ты неплохо саблей машешь, – похвалил его Евпатий, отбивая очередной удар, срубивший по дороге несколько веток и едва не лишивший его головы, – просто багатур. Где так научился? Я думал, вы только из луков стрелять мастера.

Татарин что-то яростно прорычал в ответ и удвоил силу натиска. Он был на удивление так хорош, что Евпатий только выжидал и присматривался, не понимая пока, как его взять. Отбиваясь, Коловрат отступал по ложбине между двух елей в чащу леса, где снег был глубже, и крутил головой по сторонам, чтобы не пропустить нападения сбоку или с тыла. Куда делся Ратиша и остальные, он не видел, лишь слышал звон клинков, раздававшийся то тут, то там за деревьями. На первый взгляд татар здесь было не много. Но в любой момент к ним могла прибыть помощь из лагеря. И тогда – верный конец.

– Пора заканчивать, – сплюнул под ноги багатуру Коловрат, – тороплюсь я.

Но, высмотрев наконец слабые места в обороне противника и вознамерившись поразить его одним точным ударом, рязанский воевода вдруг оступился. Зацепившись за корягу, лежавшую под снегом, Евпатий рухнул навзничь в сугроб возле поломанной ветром сосны. К счастью, меч в руке он держал крепко.

Широкое лицо татарина осветилось звериной радостью. Багатур уже вознес саблю к морозному небу, едва видневшемуся между кронами черных деревьев, и собирался обрушить всю свою мощь на распластавшегося перед ним русича. Но тот вдруг быстро перекатился вбок. Оказавшись на коленях, Евпатий молниеносно выкинул руку с клинком и угодил острием по ноге татарина, рассекая связки и сухожилия. Кровь брызнула на снег. Багатур взвыл, припав на левое колено. Его удар прошел мимо. А воевода в приступе ярости всадил свой клинок татарину прямо в бок, с треском распоров кожаный доспех.

На мгновение оба застыли, сидя на коленях друг против друга.

– Ты сильный боец, – заявил на прощанье воевода, встретившись со взглядом умиравшего багатура, – чуть жизни меня не лишил. Но я...

В этот момент татарин, казалось, испускавший последний вздох, вдруг вскинул окровавленные руки, из последних сил вцепившись рязанскому воеводе в горло. У Евпатия потемнело в глазах. Задыхаясь, он резко выдернул меч из раны и еще раз вонзил клинок багатуру в живот,

провернув. Железная хватка на шее ослабла, татарин опустил руки в снег. А Коловрат все сидел на коленях и, тяжело дыша, продолжал смотреть в глаза своему поединщику. До тех пор, пока взгляд татарина не остекленел.

– ...я вас в гости не звал, – закончил воевода, отталкивая от себя мертвеца и вставая во весь рост.

– Берегись, Евпатий Льво... – тотчас услышал Коловрат окрик кого-то из своих ратников одновременно со свистом летящего топора и едва успел нырнуть в снег у поломанной сосны.

Топор со звоном воткнулся в мерзлый ствол всего в нескольких вершках от его головы.

«И доспех бы не спас», – подумал Евпатий, уже несколько раз за сегодняшнее утро попрощавшийся с жизнью. Коловрат чуть повернул шею, чтобы узнать, кого ему теперь благодарить за спасение. В это мгновение он услышал отдаленный щелчок, а затем приглушенный стон татарина, словившего стрелу в спину. Харкнув кровью, метатель топора упал лицом в снег и затих.

– Живой, Евпатий Львович? – осведомился с другого конца заснеженной ложбины ратник как ни в чем не бывало.

– Есть маленько, – произнес Коловрат, вставая и настороженно осматриваясь по сторонам. – Ты, Михайло?

– Я, – отзывался словоохотливый ратник, снова заряжая самострел.

– Благодарствую, – ответил воевода, подбирая меч и выдирая ноги из глубокого снега.

– Сочтемся, – подмигнул воеводе Михайло.

К тому моменту, когда Коловрат оказался на поляне, где татары держали своих коней, бой уже закончился. Приблизившись, воевода заметил, как Ратиша выдернул кинжал из спины мертвого татарина на дальнем краю поляны. Аккуратно вытерев лезвие о снег, он засунул его за голенище высокого сапога.

– Всех закончили? – осведомился воевода.

– Всех, – кивнул Ратиша, – было их тут аккурат два десятка. Хорошо, что мы самострелы прихватили, а то больно шустрые татары оказались на саблях драться. Могли бы не совладать.

– Это верно, шустрые, – не стал спорить воевода, вспомнив своего поединщика. – Хорошо, что только на разезд нарвались. Не видал, гонца послать не успели?

– Этот вот, что лошадей стерег, – рассказал Ратиша, указав на мертвеца под ногами, – когда понял, что дело плохо, сам вскочил на коня и утечь пытался. Да я его отговорил. А были ли кто раньше, не ведаю.

– Ясно, – кивнул воевода, осмотрев поляну и взглядом пересчитывая собравшихся ратников, – значит, надо уходить отсюда подобру-поздорову, пока подмога из лагеря к ним не подоспела. Из наших погиб кто?

– Митяй и Неулыба нынче в покойниках, – нахмурился Ратиша, – увезем с собой и похороним по-божески в лесу. Еще трое по мелочи, кто подрезан, кто стрелой оцарапан – жить будут. Ты-то как, Евпатий Львович? Видал, мощный татарин на тебя попер. Он до этого Митяя и приговорил.

– Справился, – ответил Коловрат, убирая меч в ножны, и посмотрел на своего спасителя, стоявшего чуть поодаль со снаряженным самострелом, – а со вторым вот Михайло подмогнул.

Забрав арбалеты и положив убитых на носилки, наспех сделанные из веток, ратники двинулись в чащу леса. На обратном пути отряд рязанского воеводы больше никого не встретил. Благополучно добравшись до своей стоянки с лошадьми, воины вскочили на коней и спустя короткое время были уже в лагере Ингваря.

– Молодец, Евпатий, – едко заметил Тишило, сидевший в шатре во время рассказа рядом с князем, – сходил на разведку без шума. Теперь татары точно знают, что мы здесь.

Коловрат пропустил мимо ушей замечания тысяцкого. Он уже выслушал доклад Лютобора и знал, что никаких гонцов тот не посылал, а потому не стал портить и так натянутые отношения. Даже изобразил напускное смирение.

– Выступаем немедля, – приказал Ингварь, едва дослушав рассказ воеводы, – покуда вослед не послали погоню. Недосуг нам сегодня воевать, в Чернигов поспешать надо.

Глава вторая

Дела давно минувших дней

Отведя взгляд от златоглавого Борисоглебского собора, купола которого подернулись морозной дымкой, Евпатий поневоле ощутил холодок. Вздрогнув, воевода отвернулся от затянутого слюдой окна в княжеских палатах и вновь с удовольствием посмотрел на длинный стол, уставленный яствами. Закопченный осетр плыл по бесконечному блюду, словно стремился к далекому морю. Гусь в яблоках, только из печи, дымился, источая божественные ароматы. Несколько дутых золоченых кувшинов, наполненные византийским вином, призывно сверкали боками.

Рука сама собой потянулась в сторону кубка с красным вином. Воевода взял кубок, крикнул и хлебнул от души. Терпкая влага растеклась по гортани, расслабляя изможденное тело. Устал воевода с дороги, много дней скакал без роздыха вместе с дружиной.

Напротив сидел князь Ингварь, по лицу которого бродили тени. Словно не ждал он ничего хорошего от этой встречи, хоть и приехал просить о помощи давнего друга Рязани. Суrowым казалось сейчас его лицо, недовольным. О причинах этого недовольства Евпатий мог только догадываться, вспоминая происходившее в дороге. Во многом это были лишь подозрения, по сути беспричинные, но отчего-то вызывавшие у воеводы настоящее беспокойство.

Видно, и его лицо показалось Михаилу Черниговскому, что прогуливался в задумчивости вдоль стола, настолько хмурим, что князь не выдержал и приказал:

– Выпейте сначала вина да поешьте вдоволь, гости дорогие. А то – отдохните с дороги и проспите, прежде чем о деле говорить, – заявил он, списав все на усталость прибывших из Рязани послов, – шутка ли, несколько дней скакать по морозу.

– Благодарствую. Но некогда нам, княже, отдыхать сейчас. Каждое мгновение дорого, – ответил Ингварь, подавшись вперед так быстро, что едва не лег грудью на стол, отчего зазвенели золоченые кубки. – Ты ведь знаешь уже, зачем мы прибыли по велению брата моего из самой Рязани.

Услышав сие, Михаил Всеволодович Черниговский остановился, обернувшись. Это был широкоплечий мужчина с чуть вытянутым лицом, умным и цепким взглядом, окладистой бородой. На вид лет сорока пяти. Как и подобало князю могущественного и богатого государства, Михаил был сейчас в дорогих одеждах багряного цвета, расшитых по всей ширине тонкой золотой нитью.

– Знаю, – промолвил он, – земля слухом полнится.

Кроме князя Черниговского и послов из Рязани в зале никого не было. Ни дочерей князя – Марии и Евфросиньи. Ни жены его, княгини Алены, которой в их первую встречу Коловрат привез немало узорочья³ в подарок, ожерелье да колты⁴ с сиринами⁵ – изделия его собственных золотых дел мастеров. Ни даже сына Ростислава, что уже давно принимал участие в военных походах, и, по слухам, сейчас готовился к одному из них. По всему выходило, что Михаил никого не хотел посвящать в детали своих переговоров с рязанцами. Дело было тайное. И новое

³ Узорочье – так на Руси называлось искусство создания украшений.

⁴ Колт – этот вид украшения, особенно популярный у женщин XI–XIII веков на Руси, представлял собой полую подвеску из металла (золота, серебра, меди), крепившуюся к головному убору. Предположительно внутрь клали кусок ткани с ароматическими отдушками. Украшался колт разнообразными рисунками и гравировкой. Надо учитывать, что название «колт» появилось только в XIX веке – а его настоящее древнее название не сохранилось.

⁵ Сирин – в древнерусском искусстве и легендах так называлась райская птица с головой прекрасной девы. Предположительно, Сирин представляет собой славянский образ греческих сирен. Образ сирина связан с символикой воды и плодородия, а крылатость связывает дев-птиц с небом.

для Руси. Никогда ранее татары здесь не появлялись. Если, конечно, не вспоминать о делах давно минувших дней.

– Пока мы тут отдыхать да вина заморские распивать будем, татары уже на приступ пойдут, – яростно закончил Ингварь. – А долго наш город без подмоги не простоит.

Выговорившись, Ингварь все же отпил вина по примеру Коловрата, стукнул кубком по столу и откинулся назад на резном кресле, натужно скрипнувшем под ним.

В воздухе сгустилось напряжение, словно вот-вот должна была сверкнуть молния. Михаил Всеволодович не любил, когда его торопили с ответом. И Коловрат не стал этого делать. Он считал, что Ингварь и так слишком давит на своего могущественного соседа. Рязанский воевода молча перевел взгляд с одного князя на другого.

Ингварь был резок, по мнению воеводы, но его можно было понять. Сейчас и в самом деле могла идти настоящая драка под стенами Рязани, а промедление было смерти подобно. Но и у Михаила Всеволодовича, постоянно воевавшего почти со всеми соседями огромного княжества, наверняка были свои резоны. Очень осторожно следовало подбирать слова послам. Княжество Михаила было сильнее Рязанского и могло спасти его в трудный час татарского нападения. А могло и не спасти. И сейчас от того, что ответит князь Черниговский, напрямую зависела судьба Рязани.

Михаил Всеволодович все молчал, в задумчивости глядя на своих гостей. Ингварь, насупившись, тоже. Молчание затянулось. И пока князь Черниговский принимал судьбоносное решение, уставший Евпатий – едва оказавшись в городе, они сразу напросились на встречу к Михаилу – отпил еще вина и снова окунулся в свои подозрения, окрепшие во время долгой дороги в Чернигов.

Разведав все, что было возможно, и благополучно покинув окрестности Пронска, отряд Ингваря и Коловрата скакал весь день, до тех пор, пока не стемнело. Погони не было. То ли не хватились еще пропавшего разъезда татары, то ли нашли их лесную стоянку, но не стали преследовать, верно оценив возможные потери от столкновения со многочисленными русичами. В любом случае татарам было ясно: на Пронск этот отряд не пошел, покинув передель Рязанского княжества, а значит, и не мешал им начинать осаду.

Судя по всему, татары проникли на Русь не дальше центральных земель Рязанского княжества, где уже полыхали сражения. А если и заехал в пределы черниговские какой-нибудь отряд разведчиков, то большой помехи войску Коловрата из полутора тысяч ратников он сейчас не представлял и остановить его не мог. Все силы Батые пока были сосредоточены вокруг самой Рязани и более мелких городов, давая остальным княжествам Руси короткую передышку. Время подготовиться к нашествию, в которое, надо сказать, даже сейчас многие еще не верили, пока беда не коснулась их самих.

К ночи рязанцы уже были глубоко в землях княжества Черниговского, миновав Дедославль, и заночевали на берегу Оки, став лагерем не доходя Домагоща. Отсюда и до Козельска, где у Лады жили родственники, было уже рукой подать. Чтобы не пугать местных жителей, озабоченных внезапным появлением большого отряда неизвестных воинов, послали в Домагощ гонцов: назваться и предупредить о своих добрых намерениях, а заодно пополнить запасы провизии.

Лагерь был обустроен, шатры расставлены, дозоры на месте. «Можно и отдохнуть маленько перед марш-броском», – подумал Евпатий, с каким-то тайным удовольствием смакуя это давно забытое слово из прошлой жизни, в которой он успел побывать старшим лейтенантом советского спецназа в жарком Афганистане. И звали его тогда Кондрат Зарубин. Но здесь и сейчас была зима. А впереди еще несколько дней бешеной скачки, днем и ночью, по заметным снегом полям и дорогам, а кое-где и по замерзшей грязи. Ибо, чем ближе к Чернигову, тем

зима становилась мягче. Терять время было нельзя. В этом они с Ингварем сошлись, решив дать отдых людям и коням сегодня, а потом уже скакать до изнеможения.

Тем же вечером к костру, за которым грелся воевода в ожидании закопченного зайца, подсел Ратиша. Сняв вертел с огня и разорвав надвое упитанную тушку, воевода протянул кусок мяса своему верному помощнику.

– Угощайся, чем бог послал. Жирный косою попался.

– Благодарствую, – ответил ратник, усаживаясь рядом на бревно и озираясь по сторонам, чем уверил воеводу в том, что разговор будет не для посторонних ушей.

– Ну, рассказывай, зачем пришел? – подтолкнул Коловат в бок верного Ратишу, – ведь не просто со мной перекусить. Разумею я – дело есть?

– Прав ты, Евпатий Львович, – кивнул Ратиша, – есть дело.

– Не томи, – надавил Коловат, – устал я маленько, спать хочу. Только сегодня и сможем отдохнуть по-божески, а завтра и послезавтра нам скакать без роздыха. В седле спать придется.

– В общем, – осторожно подбирая слова, начал Ратиша, – хочешь верь, хочешь не верь, но думаю я, что в войске нашем смута затевается.

– Это ты о чем? – уточнил Коловат.

– Ты, Евпатий Львович, сам велел примечать все странное по дороге, да за людьми княжескими приглядывать. – продолжил Ратиша, обсасывая косточки. – Так вот. Покуда возле Пронска снег топтали, никаких гонцов ни Ингварь, ни Тишило никуда не посылали. Но как только отъехали подальше, у развилки на Козельск тысяцкий с тремя ратниками в сторону отъехал, будто посмотреть что-то, а вернулся только с двумя.

– С двумя, говоришь? – нахмурился воевода. – Думаешь, гонца тайного отправил?

– Думаю, – кивнул Ратиша, – и ускакал он так быстро, что перехватить я его не успел. Послал человека вдогон, да где там – ищи ветра в поле.

– А куда тот гонец поскакал? – еще больше посмурнел воевода, даже перестав жевать.

– Точно не ведаю. От Козельска дорога разветвляется сразу на несколько путей. Но хорошие, проезжие, только на север и юг ведут. В Смоленск али в тот же Чернигов. Назад к Пронску можно возвратиться только по той дороге, где мы ехали. Чтобы по лесам не плутать.

– Не Пронск ему, похоже, нужен, – решил воевода, поразмыслив. – Но тогда что? Эх, жаль, поймать не удалось гонца. Поговорили бы тогда по душам. Мутит что-то Ингварь, это к бабке не ходи. Только как бы узнать наперед, что задумал князь.

Вздыхнув, Коловат обернулся к Ратише, тоже на всякий случай осмотревшись по сторонам. Но, к счастью, сидели они далеко от ближайших костров. Никто их разговор услышать не мог.

– А что ты там про смуту начал говорить?

– Дружина у нас надежная, ты ее лично в бою проверял. Но сам знаешь, что почти пять сотен ратников в ней – люди Ингваря. Их Тишило с собой привел, когда приказ идти в Чернигов появился, чтобы охрану князя усилить.

– Знаю, – кивнул воевода. – И что, ропшут? Остальных задирают?

– Открыто наших не задирают пока, хотя... пару раз было дело. Чуть не подрались на прошлой стоянке из-за места под шатер. Слово за слово. Еле разнял.

– Ну бывает, повздорили мужики, – усмехнулся Евпатий, – война началась. Скачут долго, мороз, устали немного. А смута в чем?

– Пока не могу ничего толком предьявить, кроме того, что на приказы Лютобора и мои огрызаются. Словно показать хотят, что мы им не указ. Мол, у них свой князь есть. Да еще пару раз видал, как Тишило ратников своих собирал по несколько человек и что-то им говорил вполголоса. А как кто из наших приближался – умолкают и расходятся. Словно тайные дела обсуждали, какие никому слышать не надобно. Да брошка та, с золотым петухом, что Тишило носит на плаще, все из головы нейдет. В общем, беспокойно у меня на душе, Евпатий Львович.

– Ну, ежели кто еще огрызаться будет, можешь утихомирить, – приказал Евпатий, – жестко и быстро. Даже пусть Ингварем в ответ страшать начнет. Время военное, базар разводить не потребно.

Затем воевода нагнулся почти к самому уху Ратиши и перешел почти на зловещий шепот:

– А насчет самого Ингваря у меня приказ имеется от князя нашего – случись что, и его судьбу решить смогу. Так что следи дальше и, если что, докладывай. Нужно любую смуту упредить.

– Понял тебя, Евпатий Львович, – кивнул Ратиша, – только уж ты обдумай наперед, как быть. Все ж таки пятьсот воинов у Ингваря. Ежели какой раскол – сеча выйдет кровавая. Главное, чтобы в спину нам не ударили.

– У нас по-любому ратников больше, – успокоил его Коловрат, – авось, не рискнет Ингварь супротив меня пойти. Это же значит – супротив брата своего, князя рязанского выступить. Смутно все как-то, конечно. Может, мы с тобой и ошиблись все ж таки.

– А гонец? – напомнил Ратиша.

– Время покажет, – закончил разговор воевода, – иди спать покудова. Чует мое сердце, недолго развязки ждать.

На том и порешили.

И вот теперь, сидя за раззолоченной скатертью княжеского стола, Коловрат исподволь разглядывал лицо Ингваря, не понимая до конца, чего ждать. Князь явно что-то замышлял, но до прибытия в Чернигов ничего примечательного более не случилось. Скакали несколько дней без роздыха и явились пред светлы очи князя Михаила, падая от усталости, даже одежды не переменяв. Больно уж время поджимало.

Беспокоил, конечно, Евпатия пропавший гонец. Куда тот направился? Но если Ингварь не учудит ничего прямо сейчас и вернется в Рязань с ответом Михаила Черниговского, то и ладно. «С гонцом этим чуть позже разберемся, когда время позволит, – решил Коловрат, – главное, войско Михаила получить в подмогу и от Рязани удар отвести. А татар отобьем, там и с заговорщиками поквитаемся».

– Вот что, други мои, я вам скажу, – нарушил гнетущую тишину Михаил Черниговский, молча стоявший все это время у слюдяного окна, словно совещался с небесами, – завтра я уйду в новый поход на Волынь. Против врага моего Даниила Галицкого, что осмелел в последнее время. Опосля того, как поприжал я Даниила в прошлой сшибке, друзья его верные – поляки во главе с Конрадом Мазовецким и немецкие крестоносцы – принялись Волынь грабить. Тогда осознал он, наконец, что друзей на западе искать не стоит, и заручился поддержкой великого князя Владимирского против меня. Слыхали небось, что Ярослав Всеволодович, брат его, в прошлом годе привел сюда рати владимирские и крови пустил много моим подданным. Пожег земли и города разграбил. До сих пор не оправился Чернигов от того кровопускания. Вот за то и должен я отмстить Даниилу. Ярослав же с тех пор в соседнем Киеве сидит князем. Но и до него с братом черед дойдет. Дайте срок.

Не услышав пока ни слова про Рязань, Евпатий даже затаил дыхание, когда Михаил Всеволодович умолк.

– Сие означает, что войска мне сейчас нужны самому. Все войска, – с силой выдохнул из груди слова князь Черниговский, развернувшись к послам. – Окромья того, добавлю, что пятнадцать годов назад, когда я с Мстиславом Удалым и другими князьями на Калку ходил, да с татарами вашими схлестнулся, рязанцев там не было. Не пошли они на Калку тогда, Русь защищать.

Евпатий поймал напряженный взгляд Ингваря, но оба не произнесли ни слова. Чували, что еще не все сказал владетель Черниговский, лицо которого стало вдруг непроницаемым, хоть и вымолвил уже главное.

– А потому не взыщите, други мои. Просьбу князя вашего Юрия, коего люблю как брата, уважить не смогу. Передайте Юрию, как дела свои кончу, отмишу Даниилу, так и к вам подойду на подмогу. А сейчас пейте, ешьте да отдыхайте с дороги. Разговор наш окончен.

– Благодарствуем, княже, за прием и стол отменный, – ответил Ингварь, в глазах которого блеснул холодный огонек злобы, не укрывшийся от наблюдательного Евпатия, – ответ твой ясен. Думали мы, поможешь войсками Рязани, но у тебя, я вижу, своих забот полон рот. Так и передам Юрию. Пойдем, Евпатий. Нечего более здесь рассиживаться. Отдохнем ночь и с рассветом обратно поскачем.

Он поднялся, всем видом показывая, что более не намерен задерживаться за княжеским столом, и направился к выходу. Это было неуважением к хозяину, но Михаил стерпел. Или показал, что стерпел. Ссориться еще и с рязанцами ему было сейчас не с руки. Да и не хотел он ссориться, как показалось Евпатию. Но и жертвовать своим войском накануне похода тоже не стал. «Своя рубашка ближе к телу, – подумал Коловрат, тяжело подымаясь вслед за Ингварем. – Только что теперь с Рязанью будет?»

Но вслух только поблагодарил князя за угощения.

– Прощай, Евпатий, – кивнул ему в ответ Михаил Всеволодович и, вдруг наклонившись почти на ухо, шепнул еле слышно: – Береги князя своего.

Удивленный воевода даже отпрянул от неожиданности. Но встретившись взглядом с Михаилом, оглянулся на Ингваря – и вдруг понял, про какого князя тот говорил. Словно знал нечто, Евпатию пока неведомое.

– Прощайте, гости дорогие, – нарочито громко произнес Михаил Всеволодович, словно извинялся, – не поминайте лихом. Даст бог, свидимся еще.

Услышав эти слова, Ингварь вдруг остановился у раскрытой двери и сказал с какой-то едва уловимой ухмылкой, обернувшись:

– Обязательно свидимся, княже. Не сомневайся.

И вышел, не дожидаясь ответа Михаила. На мгновение Евпатий остался один в зале с князем Черниговским. Коловрат обернулся, чтобы вновь встретиться с ним взглядом и, может, понять что-то еще, ускользавшее от него в этих придворных интригах. Но Михаил Всеволодович уже стоял у окна, в задумчивости глядя на сгущавшиеся сумерки, и, казалось, позабыл про своих гостей.

«Вот и закончилась мое посольство», – вздохнул Евпатий, покидая княжеские палаты вслед за Ингварем.

Глава третья

Беглецы

Получив ответ, раздосадованный Ингварь и в самом деле не стал тянуть с отъездом. Приказал выступать на рассвете, а разбросанное по посадам вокруг города войско – Михаил никому из гостей не разрешал держать такую силу в одном месте – собрать на другом берегу Десны. С той стороны, откуда они въезжали в Чернигов. И ожидать там его прибытия.

Евпатий наказ княжеский выполнил. И когда первые лучи солнца позолотили маковки церквей, войско было собрано, чтобы немедля отправиться в обратный путь к Рязани. Ожидали только самого Ингваря, ночевавшего в тереме, что находился в южной части города. Да Тишило с небольшим отрядом дружинников – около сотни людей Ингварь оставил при себе. Остальные находились здесь же, на берегу Десны, поэтому Евпатий ничего подозрительного в поведении князя не заметил. На то он и князь, чтобы с большой охраной ездить, да еще в военное время. Но на всякий случай Коловрат все же приставил к нему пару соглядатаев. Чтобы присмотрели, да в случае чего донесли.

Поеживаясь от утреннего холода, Евпатий сидел на коне, поглядывая в сторону просыпавшегося Чернигова. По правую руку от него дремал в седле верный Ратиша. По левую находился Яромил, сотник, что был пока за старшего над воинами Ингваря заместо Тишилы.

Остальные рязанские ратники выстроились справа и слева от воеводы двумя огромными отрядами. Слева – четыре сотни воинов Ингваревых, а справа почти тысяча бойцов под командой Лютобора. Встали так, словно собирались идти в атаку на отказавший им в помощи город. Отчего дозорные черниговцы на стенах, хоть и не ждали от рязанцев подвоха, но все же слегка волновались.

Позади воеводы, на небольшом отдалении, виднелся хорошо различимый пояс из бесчисленных курганов, окаймлявших полукольцом подступы к городу. Заснеженные курганы хранили в себе могилы древних князей черниговских да их знатнейших богатырей-дружинников.

А прямо перед Коловратом, на высоком холме, спускавшемся тремя огромными выступами к широкой реке, раскинулся необъятный Чернигов-град. Евпатий уже бывал здесь, но до сих пор не переставал поражаться его размерам. Мало таких городов было на Руси, да и почти-тай во всех землях западных. Чернигов был огромен. Как минимум в несколько раз больше его родной Рязани. И обитало в нем почти сорок тысяч человек. В современном же Коловрату городке Париже, как припомнил воевода из прошлой жизни, проживало сейчас втрое меньше людей.

Красавец-Чернигов был усыпан великолепными храмами, маковки которых блестели в первых лучах нарождавшегося солнца и были хорошо видны Коловрату даже отсюда. Множество каменных палат имелось в этом городе. Особенно привлекали взор княжеские – огромное сооружение с арками и колоннами. Впрочем, почти все каменные палаты находились в кремле, за стенами которого стояли дома попроще: из дерева и соломы. Для обычных ремесленников да работного люда. А вокруг городских стен было немало предместий, где и вовсе попадались землянки.

Казавшийся бесконечным город был разделен на три части высокими крепостными стенами с островерхими башнями, а кроме того, имел дополнительную защиту в виде рвов. Через ближайший ров, напротив главной башни, был перекинут деревянный мост. И по нему, едва не сшибая встречных, скакал сейчас во весь опор всадник. Размахивая на ходу руками, он что-то кричал, словно пытаясь привлечь внимание расположившихся на дальнем берегу рязанцев.

– Гляди, Евпатий Львович, – встрепенулся вдруг Ратиша, прогнав дрему и присмотревшись, – вроде наш человек скачет. Али случилось что?

– Похоже, случилось, – кивнул боярин, поневоле напрягаясь, ибо узнал в этом ратнике одного из своих соглядатаев.

– Кричит что-то, – пробормотал Ратиша, – только не разберу, что именно.

К этому моменту всадник преодолел мост через ров и проскакал по льду половину расстояния до берега замерзшей реки, не переставая кричать и размахивать руками. И только тут до Евпатия, наконец, донеслось:

– Убе-е-ег! Ингварь убе-е-ег!

– Ингварь сбежал? – в недоумении произнес Ратиша, оглядываясь на стоявших чуть поодаль княжеских ратников. – Это как же так? Куда?

Но слова всадника услышал не только Ратиша. Сотник Яромил потянул уздечку, поддал коню пятками и, чуть отъехав в сторону, выхватил из ножен меч.

– Извини, Евпатий Львович, – произнес сотник, не таясь, глядя прямо в глаза воеводе, – велено придержать тебя здесь, покуда Ингварь не ускачет.

– Ах ты, собака, – закричал Ратиша, тоже выхватывая меч из ножен, – предал твой князь Рязань все-таки. И ты с ним?

Коловрат оставался недвижим между двумя всадниками с обнаженными мечами. Воевода продолжал спокойно сидеть в седле и краем глаза наблюдать, как ратники Ингваря начали перестраиваться в линию поперек берега. То же самое принялись делать и воины под командой Лютобора, почуявшего неладное. Верные Коловрату люди растянулись настолько, что уже перекрыли пути отхода в сторону Рязани, медленно прижимая противника к берегу.

– Ты уверен, Яромил? – переспросил взбунтовавшегося сотника Евпатий, наконец, прервавший молчани. – Это же верная смерть. Нас вдвое больше.

Яромил чуть приподнял меч, нагло глядя Коловрату прямо в глаза, но молчал.

– Прежде чем взмахнешь мечом, знай – это будет твой последний бой, – спокойно предупредил воевода. – Очень скоро ты сдохнешь, как собака.

– Мы люди княжеские, подневольные, – нагло заявил в ответ Яромил, криво усмехаясь. – Нам сказали умереть – мы умрем. Но тебя остановим.

– А вот это вряд ли.

И, подав Ратише знак атаковать, Евпатий, не доставая меча, вдруг резко бросил коня вперед. А затем и вовсе спрыгнул с холма вниз, поскакав по заснеженному склону навстречу своему соглядатаю, который уже был почти на берегу реки.

Яромил рванулся было за ним, но путь ему преградил Ратиша.

– Ты куда собрался, иуда? – возопил он. – Сначала со мной поговори.

– Это мы с удовольствием, – прошипел сотник, – надоело вас терпеть.

Их мечи скрестились со звоном, вышибая искры.

– В атаку! – послышался чуть вдали крик Лютобора. – Прижать к реке, никого не выпускать!

– Бей собак Юрия! – раздался ответный клич. – Вперед, за истинного князя!

Топот копыт сотряс заснеженный берег. А вскоре раздался грохот от шишки затянутых в броню всадников и послышался звон оружия. На берегу, прямо на глазах удивленных черниговцев, началась настоящая битва среди ратников рязанского войска.

Но все это уже не так интересовало Коловрата, как побег Ингваря. Когда позади него с криками столкнулись две конные лавины, он был уже у самого льда и осадил своего коня напротив только что преодолевшего реку всадника.

– Где Ингварь? – прокричал воевода бойцу, изумленно взиравшему на начавшееся сражение.

– Убег! – выпалил задыхавшийся гонец, конь под которым нервно переставлял копыта.

– Куда убег, проследил?

– А как же, Евпатий Львович, – обиделся соглядатай, тут же позабыв про кипевший поблизости бой. – Как только князь Ингварь да Тишило с сотней своей выехали из ворот, сразу завернули не в ту сторону... На Рязань же сюда, к восточным воротам надо было сворачивать, а они вдруг поехали к западным, что на другом конце города. Тут я сразу и смекнул: задумал Ингварь что-то неладное. И решил за ним проследить, как ты велел.

– Молодец. Дальше что было? – надавил Коловрат, уставший от ненужной болтовни. – Куда направился князь?

В этот момент их разговор ненадолго прервался. С холма скатилось десятка три всадников, устремившись к месту встречи воеводы с соглядатаем. То были люди Ингваря, вознамерившиеся во чтобы то ни стало убить воеводу или хотя бы задержать его. Но тут же навстречу им хлынула волна из ратников Лютобора, вновь преградив путь. Жестокая драка завязалась уже буквально в сотне шагов. Люди падали с мертвых коней и бились пешими. Кое-кто даже выбежал на лед, продолжая сражаться.

Выше по склону сеча растянулась почти на версту. Бросив взгляд в сторону города, воевода заметил, что опытные в ратных делах черниговцы на всякий случай подняли мост и закрыли ворота в башне, из которой недавно выехал его соглядатай.

«Ну, просто ледовое побоище, – подумал Евпатий, поглядывая на сражавшихся вдоль реки. – Вот позабавили мы князя Михаила. Того и гляди, сюда его дружина подтянется».

– Продолжай, чего замолчал! – приказал воевода, одновременно сдернув арбалет со специального крючка на седле. Евпатий засунул ногу в прикрученное к нему стремя и стал натягивать тетиву двумя руками.

– Ну, так вот... – выдавил из себя соглядатай, озадаченно поглядывая то в сторону приближавшегося побоища, то на воеводу, деловито заряжавшего самострел, – довел я их до самых западных ворот, которые тоже к берегу Десны выходят, только далече отсюда...

Сказав это, собеседник воеводы опять умолк, заглядевшись на то, как Евпатий достал из притороченной к седлу сумки и вставил в ложе короткую стрелу.

– Потом что было? – поторопил его воевода.

На этот раз соглядатай вовсе не стал отвечать. Вместо этого, перехватив покрепче узду, как человек, который собрался пустить лошадь вскачь, он указал куда-то за спину воеводе.

Коловрат повернул голову, заметив, как один из всадников Ингваря убил своего поединщика и бросил коня в образовавшееся перед ним пустое пространство. Размахивая окровавленным мечом, всадник этот несся к ним на всем скаку и остановить его было уже некому. Расстояние быстро сокращалось. Приглядевшись, Коловрат узнал сотника Яромила.

– Куда же ты сбежал, воевода! – кричал сотник, потрясая окровавленным мечом. – Мы с тобой еще не договорили.

Когда оставалось не больше десяти шагов, Коловрат, по-прежнему спокойно сидевший в седле, вдруг развернулся лицом к нападавшему и вскинул руку с арбалетом. Раздался сухой щелчок. Арбалетный болт прошил нагрудник Яромила, выбив того из седла. Сотник рухнул на снег, но был еще жив, когда воевода неторопливо подъехал к нему.

– Много чести с тобой разговаривать, падаль, – произнес Коловрат, глядя как умирает, харкая кровью, предатель. И добавил, видя лютую ненависть в его глазах: – Я же предупреждал: для тебя это будет последняя битва.

Закончив скоротечную схватку, воевода обвел спокойным взором сражение у реки. А затем, как ни в чем не бывало, вновь обернулся к своему собеседнику.

– Так куда направился Ингварь? – произнес Коловрат, приторочив арбалет обратно к седлу.

– Когда его отряд тайно покинул город, – затараторил соглядатай, отводя взгляд от мертвого сотника, – я вышел за ними, крадучись, но проследить смог только до края предместья. Далее дома и сараи закончились, меня могли увидеть.

Поймав на себе нервный взгляд воеводы, соглядатай, происходивший из простых ратников, поторопился закончить свой рассказ:

– За предместьем они некоторое время ехали вдоль берега Десны, а затем свернули от нее на запад и скрылись в полях. А я вернулся к своему коню, и сюда, к тебе, Евпатий Львович. Доложить.

– От реки... на запад – медленно повторил воевода, потерев бороду и добавил, как зачарованный: – То бишь в противоположную от Рязани сторону... хм-м.

Некоторое время он молчал, напряженно соображая. Поглядывал то на стихавшее сражение, то на нервно перемещавшихся по стенам черниговцев. И вдруг его осенила догадка.

«Так ведь там же до границы Киевского княжества недалече, – подумал вдруг прозревший Коловрат, у которого сложилась полная картинка происходящего, до сих пор ускользавшая и разрозненная. – Полдня пути, не более. Так вот где ты задумал укрыться, изменник. Вот куда ты гонцов слал».

– Молодец! – похвалил воевода следившего за Ингварем ратника, даже хлопнул того по плечу. – Вернись – награжу. Езжай к своим в сотню.

А сам, тут же позабыв про него, развернул коня в сторону сечи и присмотрелся. Разыскал глазами Лютобора. Верные воеводе ратники уже перебили половину мятежников Ингвара и отбросили от берега вглубь заснеженного поля, окружив. Путь вдоль реки был свободен. Пришпорив коня, воевода вновь взобрался на холмистый берег и свистнул, привлекая внимание Лютобора. Заметив воеводу, тысяцкий вышел из боя.

Изможден был Лютобор, весь в крови, видать, не одного врага своей рукой приговорил уже.

– Ранен? – спросил Коловрат.

– Бог миловал, – отмахнулся Лютобор, убирая меч в ножны, – то не моя кровь, а врагов наших.

– А Ратиша где? – осторожно поинтересовался Коловрат, обшаривая взглядом белое поле, усеянное мертвецами в одеждах русичей. Последнее, что видел воевода, как Ратиша схватился за его спиной с предателем Яромилом, а после вновь сам повстречался с изменщиком.

– Здесь я, Евпатий Львович, – раздался вдруг знакомый голос из-за спины.

Коловрат обернулся и увидел подъезжавшего на коне ратника. На правом плече его виднелась небольшая, но кровоточившая рана. В левой руке Ратиша держал разколошмаченный щит.

– Увидел тебя и сразу понял, что есть разговор, – объяснил свое появление Ратиша, останавливая коня на холме, с которого было хорошо видно все сражение.

– Живой? – не поверил своим глазам воевода.

– Да что мне сделается, Евпатий Львович, – проговорил Ратиша, отбрасывая ненужный щит, который уже почти треснул пополам. – Только мы с Яромилом схлестнулись, как Лютобор со своей лавиной подоспел, и нас развело, как щепки на морской глади. Пару раз только и успели ударами обменяться.

– Это он тебя угостил? – спросил Коловрат, заметив рану на плече.

– Он, паскуда, – кивнул Ратиша. – Хоть и царапина, но обидно. Жаль, я ему ответить не успел как следует.

– Ничего, я за тебя поквитался, – сообщил ему радостное известие воевода, кивнув в сторону берега, – больно уж хотел он меня на тот свет спровадить, да я его вперед пропустил.

– Туда ему и дорога, – кивнул Ратиша. – Сказать-то что хотел, Евпатий Львович?

– Ингварь с оставшейся сотней скачет сейчас в сторону Киевского княжества, – не стал тянуть воевода. – Думаю, именно там он схорониться решил до срока.

– Похоже, – согласился Ратиша, чуть подумав. – Тут ведь недалече. Туда, наверное, и гонцов слал.

– Во то-то и оно, что граница совсем рядом, – покачал головой воевода, – ежели Ингварь с Ярославом Всеволодовичем сговорился, то наверняка к нему и скачет. Как границу перемахнет, ищи ветра в поле. Нужно его перехватить здесь, в черниговских землях. А после пред светлы очи Юрия доставить. Пусть сам решает, как с ним быть.

Ратиша и Лютобор молчали, ожидая дальнейших приказаний.

– В общем, рассуждать далее некогда, – решил Коловрат. – Обвел Ингварь меня вокруг пальца. Задержал, людей своих не пожалев. Нужно скакать без роздыха. Авось к вечеру нагоним.

Коловрат повернулся к Лютобору.

– Ты тут дела заканчивай. Добивай всех предателей, кто супротив нас еще мечом машет. Чтoб ни одна собака не ушла от возмездия. Людей у тебя достаточно. Но Ратишу и еще три сотни бойцов я у тебя заберу. Ингваря в полон взять хватит.

– Сделаю, Евпатий Львович, – согласился Лютобор, – ты сам поспедай. А то не ровён час, утечет Ингварь в Киев.

– От меня не уйдет, – зло пообещал Коловрат, – я его зубами рвать буду. Уверен, из-за него Евпраксия с наследником на тот свет раньше срока отправилась. Он у меня за всё ответит.

В этот момент Евпатий увидел, как на другом берегу в башне вновь опустили мост и открыли ворота. Вскоре из города показался отряд черниговских ратников, который направлялся к месту почти закончившейся сечи.

– Ну, черниговцам сам все объяснишь, – наказал воевода Лютобору, – а то мы торопимся. После переговоров. Так и передай посланцам Михаила.

– Передам, – кивнул Лютобор, – скачите с богом.

Забрав три сотни ратников и не обращая внимания на приближавшихся черниговцев, Коловрат с Ратишей устремились вдоль берега Десны на юг. Проскакав версту, они беспрепятственно обогнули город и, заметив западные ворота, переправились по льду через реку.

– Где-то здесь Ингварь свернул в сторону границы, – рассуждал на ходу Коловрат, пока они удалялись от городских стен, чтобы не маячить на виду у ратников Михаила Всеволодовича. – Если не пошел вдоль реки, значит торопился сильно. Ибо по реке тоже пришел бы в Киевское княжество, только позднее. По реке до границы дальше.

– Может, боялся, что по реке его легче нагнать будет, – предположил Ратиша, скакавший рядом по заснеженному полю, не обращая внимания на рану.

– Может, и так, – согласился Евпатий, пытаясь разглядеть следы от лошадей, – главное, чтобы не успел уйти далеко.

– Нагоним, Евпатий Львович, – пообещал Ратиша.

Снег здесь был не слишком глубокий, и вскоре они нашли следы большого отряда, уходившие через лес в сторону близкой границы. По дороге им несколько раз попадались деревни и займища в лесной глуши, где Коловрату удалось, расспросив местных жителей, убедиться, что недавно мимо проскакал большой отряд вооруженных всадников. К счастью, отдохнувшие кони рязанцев передвигались быстро, и те без усталости неслись полдня.

Вскоре, неподалеку от места, где река Припять впадала в Славутич⁶, что в прошлой жизни Кондратия называли Днепром, воевода издалека заметил отряд Ингваря. Ратники беглого князя скучились на ближнем, высоком берегу. Видимо, они уже чувствовали себя в безопасности и никуда не торопились. Кони тех, кто прокладывал путь, медленно переступая ногами по крутому и обледеневшему склону, уже спускались на заснеженный лед Славутича.

⁶ Исконное славянское название Днепра – Славутич. Именно так ее всегда именовали сами славяне в летописях. У других народов эта река известна под разными именами. Греки еще в V веке до н. э называли ее Борисфен, римляне – Данаприс, племена гуннов – Вар, а в китайских источниках ее именовали Ди Ни Бо Хэ. Исток Славутича (Днепра) расположен на Валдайской возвышенности в России. В урочище Рождество Сычевского района Смоленской области. Славутич течет по территории России почти 500 километров, прежде чем оказаться на территориях Беларуси и Украины.

Выскочив на близлежащий холм, Евпатий с первого взгляда узнал крепко сбитую фигуру князя-изменщика, а вместе с ним и Тишило, буквально в сотне шагов от себя. Они еще были здесь, на этом берегу.

– Вот это удача! – воскликнул Коловрат и обернулся к сопровождавшим его бойцам: – А ну, ребяташки, охватить их полукольцом. Всех, кто поднимет меч супротив нас, уничтожить. А Ингваря с Тишило приволоките-ка мне сюда живыми.

Но едва рязанцы лавиной потекли вниз с холма на край высокого берега, как их заметили. Ингварь вместе с Тишило, не сговариваясь, бросили своих коней вниз по склону, рискуя сломать шею. А ратники выстроились вдоль берега, защищая отход князя. Люди у Ингваря были верные, но оставалось их тут не больше пятидесяти. Впрочем, этого оказалось достаточно, чтобы не дать преследователям быстро схватить беглого князя.

Завязался бой, снова потекла рязанская кровь. Их, конечно, смели, сбросили с обрывистого берега, изрубив на куски всех. Но Ингварь был уже внизу, его конь выскочил на лед широкого Славутича, делавшего в этом месте крутой поворот. Вслед за ним оказался внизу и Тишило, благополучно спустившись. Оба были живы, никто из них не сломал шею. Более того, вокруг них сгрудилась дюжина охранников. А на другом берегу уже начинались земли Киевского княжества.

И вдруг Евпатий заметил то, чего раньше не видел. Прямо напротив, на другом берегу раскинулись шатры целой армии. Солнце то и дело играло на оконечниках копий и шлемах ратников, коих там набралось не менее трех тысяч. Часть из них отдыхала, но многие выстроились вдоль берега и наблюдали за схваткой, разыгравшейся прямо у них на глазах. Это были посланцы Ярослава Всеволодовича и оказались они здесь явно не по воле случая.

– Ну уж нет, – взревел Коловрат, решивший идти до конца, – я не дам предателю уйти от возмездия.

В ярости он бросил коня вниз по крутому склону, а Ратиша и остальные ратники устремились за ним. Словно лавина, скатились рязанцы до самого Славутича, закованного в ледяной панцирь. По дороге Евпатий слышал крики вокруг – кто-то из ратников упал с коня, подломившего ногу. Кто-то сам отшиб себе ребра, кто-то сломал шею. Но сейчас воеводе было на это плевать. Он видел только красный плащ Ингваря, уже развевавшийся почти на середине реки. Следом за ним скакал Тишило. Оба понимали: если Коловрат их нагонит, обоим конец.

Быстро растоптав дюжину охранников Ингваря, добрая сотня верных Юрию рязанцев оказалась на льду и устремилась в погоню за предателями. Евпатий скакал впереди всех, далеко оторвавшись. И тут он увидел, что навстречу Ингварю скачут воины киевского князя. Между Ингварем и его спасителями оставалось больше четырех сотен шагов. А от Коловрата беглецов отделяло не больше пятидесяти.

– Не уйдешь, мразь! – прохрипел рязанский воевода, которому ярость придала сил.

Приняв решение, он вдруг резко осадил коня. Заученным движением сдернул арбалет с седла. Натянул тетиву, вставил стрелу, задержал вдох и прицелился. Спина Ингваря в алом плаще была легко различима на белом снегу, но ее то и дело перекрывала спина наперсника его грязных дел. Тишило скакал почти след в след за своим князем.

– Другого случая не будет, – прошептал Коловрат и спустил курок.

Затаив дыхание, он смотрел вперед. Туда, где, раскачиваясь в седлах, удалялись от него две фигуры. Вдруг одна из них раскинула руки и, вылетев из седла, рухнула на лед Славутича. Конь без седока поскакал дальше. Последний уцелевший всадник, который почти добрался до другого берега, был легко различим. И это был Ингварь.

– Черт побери! – взвыл Коловрат, поняв, что Тишило, сам того не зная, спас жизнь хозяину.

Вдруг раздосадованный воевода заметил, что Тишило дернулся, перекатившись на бок. Он был еще жив и пытался из последних сил доползти до спасительного берега, оставляя за

собой кровавый след. Прикрепив арбалет к седлу, Коловрат пришпорил коня и вскоре был рядом с раненым тысяцким. Отсюда он увидел, что Ингварь добрался до киевских ратников, укрывшись за их спинами. Теперь он был недосыгаем для Евпатия.

Спрыгнув с коня, воевода наклонился к умирающему.

– Признайся, падаль, – прошипел он, выхватив меч, – облегчи душу перед смертью. Это ты убил Евпраксию с младенцем? А на поезд княжеский у реки ты напал?

– Я, – расхохотался Тишило, харкая кровью, – конечно, я. А кто же еще смог бы? В первый раз у реки, жаль, не вышло.

Он перестал ползти и уставился на воеводу ненавидящим взглядом.

– Ингварь велел, а я все сделал. Я мастер на такие дела. Сначала сообщил ей тайком, что Федор ее ненаглядный в лагере у татар погиб. Про то нам верные люди раньше всех донесли. Вот она умом и тронулась. Все шептала, что не жить ей без него. А я поддакивал.

Тишило харкал кровью все сильнее, но говорить не переставал. Словно сам хотел выговориться, понимая, что уже не жилец.

– А потом она на подоконничек в храме взобралась с младенцем на руках, да вдруг вас увидела и передумала. А я легонько так раз... и подтолкнул. Все хорошо вышло, тихо.

Сказав это, наперник Ингваря засмеялся еще сильнее дьявольским смехом. А потом аж забулькал, захлебываясь собственной кровью, что лилась уже потоком изо рта ему на грудь.

Многое хотел узнать воевода.

– Что за письмо тебе монах передал? – вспомнил Коловрат, еле сдерживаясь, чтобы не вонзить меч в распластавшегося перед ним тысяцкого.

– Это ты Ингваря спроси, то его дела, – харкнул кровью предатель, – он вдаль смотрит.

Коловрат в бессилии сжал рукоять.

– Ничего, – прохрипел Тишило, чуть привстав на локтях и вперив ненавидящий взгляд в Евпатия, – скоро вам конец придет. Татары всех пожгут, порубят, снасильничают – жаль, меня там не будет. Я б им помог. Потом уйдут, а Ингварь вернется и княжить в Рязани будет.

– Не будет, – глухо произнес Коловрат, всаживая в горло предателю свой клинок, – я об этом позабочусь.

Едва Тишило обмяк, как рядом соскочил с коня верный Ратиша. Посмотрел на мертвого предателя и чуть тронул застывшего Коловрата за плечо.

– Собаке собачья смерть, – произнес он и добавил: – А нам, Евпатий Львович, отходить надо. Больно много киевлян здесь, не сдюжим. Ингварь ушел, не догнать уже.

Словно в подтверждение его слов послышался свист, и вокруг них в снег стали втыкаться стрелы. Ратиша быстро прикрыл воеводу щитом, в который тут же вонзилось не меньше пяти штук.

– Прав ты, – произнес Коловрат, приходя в себя от звука барабанивших по щиту стрел. Вытер окровавленный меч о снег и вернул его в ножны. Посмотрел из-под щита в сторону новых врагов. Те, однако, не приближались. Судя по всему, несмотря на превосходство в силе, большой войны пока не хотели. Лишь дали понять, что дальше рязанцами идти не след. Выстроившись в линию вдоль своего берега, киевские лучники послали еще несколько десятков стрел в сторону рязанцев, а увидев, что те остановились на середине реки, успокоились.

– Ладно – произнес, чуть помедлив, Коловрат, – падалью, что засела на том берегу, мы еще займемся. Те, кто пригрел врагов наших, сами стали врагами. Ингваря после отыщем и накажем. А сейчас – домой. Возвращаемся в Рязань.

Глава четвертая В окрестностях Пронска

Разведчики вернулись перед рассветом, но никто не решался заговорить. На всех лица не было. Спешившись, ратники сгрудились напротив воеводы и молча взирали на него.

– Ну? – не выдержал Евпатий, сидевший на коне. Позади него на широкой поляне расположилось еще два десятка конных воинов во главе с Ратишей. Остальное войско растянулось по тропе, петлявшей сквозь чащу леса.

– Нет больше Пронска, – наконец вымолвил старший из ратников. – Дотла спалили его, Евпатий Львович. Дня три назад.

Коловрат тяжело выдохнул. Три дня назад они едва покинули Чернигов, после долгих объяснений с князем Михаилом.

– А татары?

– Возле города никого нет, – доложил ратник.

– Сам видел?

– Обижает, Евпатий Львович, – поднял голову боец, – до самых стен пробрались. И вокруг пошастали. Одни головешки от домов остались, да тела обгорелые на пепелище повсюду валяются. Охранять там больше нечего и воевать не с кем. Ушли татары отсель.

– Ушли, говоришь? – произнес воевода и, не колеблясь, порешил: – Хорошо. Тогда и мы съездим. Своими глазами глянем, что враг учинил над городом.

И, подозвав Ратишу, велел прихватить сотню воинов, а остальных с Лютобором до срока оставить в чаще леса, чтоб дожидались здесь возвращения. Ратников приходилось беречь теперь пуще прежнего. После драки у стен Чернигова с людьми Ингваря поредело войско Коловрата. Едва семь сотен теперь было под началом воеводы рязанского, который спешил в свой родной город, но не мог проехать мимо, не разузнав, что стало с Пронском.

– В лагерь, где Захар ополчение из мужиков собирал, людей тоже отправь, – приказал Евпатий, чуть наклонившись к Ратише, – пусть разузнают, есть там кто живой, и сюда скачут скорее. Долго мы здесь не задержимся.

Ратиша кивнул, подзывая ближних к нему ратников. Когда трое усаkali на поиски лагеря, воевода обернулся к старшему из разведчиков и приказал:

– Веди!

Еще не успела сотня под предводительством Коловрата приблизиться к окраинам леса, как в воздухе появился отчетливый запах гари. Даже снег и мороз не были ему помехой. Ветра не было, но запах гари был таким сильным, что казалось, им пропитались все окрестности сожженного татарами города на много верст. То был запах смерти. Коловрат втянул носом этот жуткий запах и, еще не видя руин Пронска, понял – разведчики не ошиблись. Спасать здесь больше некого. Но какая-то неведомая сила тянула его на пепелище.

Не таясь отряд рязанцев выехал в поле, что раскинулось перед городом, и вскоре глазам воеводы открылись следы жестокой расправы, учиненной над защитниками Пронска.

Иссеченные и растерзанные тела жителей усеяли все поле от края до края. Видно, они пытались пробиться из подоженной крепости, но не смогли. И сейчас над мертвецами кружились вороны. Приблизившись к полуразрушенным стенам крепости, у самого рва Евпатий даже узрел волка, который не таясь отгрызал руку наполовину занесенного снегом мертвеца, одетого в дорогой кафтан. При виде людей волк поднял голову и зарычал на них, ощерив пасть, словно не хотел делиться с ними добычей.

– Пошел вон! – прикрикнул на него Коловрат в ярости. – Рано ты начал человечинной лакомиться!

Но волк не уходил, а продолжал рычать на Коловрата, разозленный тем, что ему не давали насладиться легкой добычей. Не выдержав, Евпатий сдернул арбалет, натянул тетиву и пристрелил волка. С пробитой грудиной, зверь упал и затих рядом со своей добычей, издав предсмертный хрип.

Воевода въехал в город прямо сквозь пролом в стенах. Оказавшись на главной площади, что была завалена мертвецами, которые уже вмерзли в кровавые лужи, Коловрат остановил коня и обвел тяжелым взглядом пепелище.

По всему было видно, что Пронск сражался отчаянно несколько дней подряд, даже после того, как город удалось поджечь. Навершия башен были снесены ударами камнеметных машин, а многие дома в глубине городских укреплений превратились в труху. Через главные ворота, укрепленные телегами и заваленные изнутри мешками с землей, татарам прорваться не удалось. Лишь тогда, когда ров был засыпан, а стены проломлены стенобитными орудиями сразу в двух местах, этот небольшой городок удалось захватить. Татары явно не рассчитывали на столь упорное сопротивление, которое организовал воевода Орех, как видно погибший со всеми. Им даже пришлось применять здесь тараны и камнеметные машины, поскольку ворота никто не пожелал открыть.

«Представляю, в какой ярости был военачальник, что командовал осадой, – подумал Коловрат, хмуро взиравший на это пиршество смерти, – ведь Пронск своим сопротивлением связал часть татарских сил на несколько дней и подарил их Рязани».

Месть разъяренных татар была ужасна. Все, кто не погиб во время осады, были растерзаны и жестоко убиты. Их тела разрублены на куски. Руки, ноги и головы жителей непокорного Пронска усеяли всю главную площадь и окрестные улицы. Телами мертвецов был завален даже ров напротив пролома в стене и прямо по ним проскакали татарские кони. Похоже, не выжил никто. Некому было хоронить убитых. Замерзших мертвецов, наполовину занесенных снегом, уже глодали птицы и звери из окрестных лесов.

– Не продержался Пронск до нашего прихода... – горестно произнес Коловрат, взглянув на кружившее в сером небе воронье.

Хмурое зимнее утро входило в свои права. Уже рассвело. Но солнце все еще пряталось в дымке облаков, словно не решаясь потревожить своими лучами прах защитников города.

– Что делать будем, Евпатий Львович? – тихо спросил Ратиша, вдыхавший запах гари и тоже подавленный увиденным.

– В Рязань пробираться, – ответил Коловрат скрепя сердце. – И так, почитай, десять ден ездим. Здесь мы уже никому не поможем.

– А Рязань наша устояла ли, как думаешь? – осторожно спросил Ратиша.

Он произнес то, о чем воины отряда боялись говорить открыто, и потому старался не смотреть в глаза Коловрату. Оба хорошо понимали, что с Рязанью может случиться то же самое. Слишком уж много воинов привел с собой на Русь хан Батый.

– Думаю, стоит еще, – отмахнулся Коловрат, тряхнув бородой, – стены у нее крепче Пронска. Людей в городе больше, да и подготовились мы ко встрече с врагами хорошо.

Воевода замолчал, вспомнив свое неудавшееся посольство в Чернигов и бегство Ингваря в Киев. Вспомнил его тайную переписку с папешниками. Бегство Ингваря могло обернуться новыми напастьями в будущем, даже если Рязань устоит под ударами Батые. А в случае его возвращения в Рязань победителем – еще большими бедами для народа, чем просто смена князя. Ибо связь с папешниками говорила о том, что Ингварь мог войти в заговор с римским папой и продать свою веру за королевский титул. Да и не один он мог быть такой среди князей русских, особенно в западных землях. Все это не вселяло надежды на быстрое спасение Рязани.

Русь оказалась сейчас среди двух огней – с одной стороны напирала папешники-крестоносцы, коих сдерживал Новгород. С другой – на Русь вторглись татары, первый удар которых на себя приняла Рязань. Но было это лишь началом большой войны, о чем ведал наперед только

Коловрат, а вовсе не случайный набег кочевников, как полагали князья удельные, погрязшие в распри. О единстве никто и не помышлял. Тьма нависла над русскими княжествами. Многие алчные души под ее воздействием заколебались в этот час. Для многих пришло время выбирать. Ибо, что дальше будет на Руси – никто не ведал, одни лишь небеса.

– Только вот пользы от нас немного, – заявил Коловрат, отгоняя тягостные раздумья, – подмоги мы все равно не привели из Чернигова, да еще и людей растеряли в пути. Но идти в Рязань надо. Такова наша судьба – биться за нее до самого смертного часа.

Порешив так, воевода первым покинул Пронск, объехав мост из мертвых людей, и вскоре соединился со своим войском. Семь сотен воинов, оставшихся у Коловрата, все еще представляли силу, которую воевода хотел сохранить для большого дела. Рязань наверняка была уже в кольце. Потому Коловрат решил идти кружным путем так быстро, как получится, и в бои с мелкими татарскими отрядами не вступать.

Выехав из сожженного города, он приказал вскоре свернуть с проезжей дороги, перейти по льду речку Проню и углубиться в непроходимые леса. Сквозь них, в дне пути отсюда, протекала другая речка – Ранова. Коловрат задумал миновать ее и зайти к татарам в тыл. Оттуда до Рязани останется не более двух дней ходу. Конечно, так получалось дольше. Но другого выхода воевода не видел и надеялся, что Рязань выстоит до его прибытия.

На переправе через Проню их нагнали разведчики, посланные Ратишей в лагерь на поиски Захарова ополчения.

– Сказывай, чего видал, – кивнул Евпатий старшему ратнику, осадившему коня рядом с ним.

Весь отряд Коловрата уже покинул окрестности Пронска, преодолел голые прибрежные холмы с глубоким снегом в ложбинах, и начал втягиваться в лес.

– Лагерь пуст, – выдохнул ратник, едва отдышавшись от быстрой скачки, – все вокруг осмотрели: нет никого. Два десятка мертвых крестьян неподалеку в лесу нашли, но не понять – из ополчения они, али так померзли. Оружья никакого при них не было.

– Пуст, говоришь? – ухмыльнулся обрадованный Евпатий и махнул рукой: – Ну, скачите! Своих догоняйте.

А когда ратник исчез, обернулся к Ратише.

– Слыхал?

– Слыхал, – кивнул тот, понукая коня, увязавшего в глубоком снегу.

– Значит, есть надежда, что жив Захар, – проговорил довольный боярин, покачиваясь в седле, – а с ним наверняка и сотники выжили. Может, и ополчение из мужиков сохранилось. Выходит, успели они увести его подальше отсюда еще до прихода татар. Только вот куда?

Коловрат умолк, кутаясь от ветра в теплый плащ, накинутый поверх доспехов. Отвел рукавицей сосновую ветку, что нацелилась ему в лицо, и въехал по едва различимой тропинке в лес.

Почти весь отряд уже скрылся меж деревьев. Позади них, в полях, что тянулись вдоль берега реки, начиналась вьюга. А здесь ветер гулял лишь по макушкам деревьев, стряхивая с них снег. Это обрадовало воеводу. Значит, следы, что вели из Пронска, скоро заметет совсем. А к ночи они будут уже так далеко, что ни один татарин не найдет.

И действительно, весь день они пробирались лесными тропами спокойно, никого не встретив. Двигались без отдыха, чтобы не терять время. Даже набили по дороге дичи, чтобы было чем перекусить на ночной стоянке. Само собой, воевода выслал вперед разведчиков, чтобы проверили дорогу на несколько верст вперед. Ближе к вечеру они добрались до берегов речки Рановы, довольно широкой в этом месте, за которой начинались вообще непроходимые чащобы. На другом берегу продвижение отряда замедлилось. Когда начало темнеть, Коловрат приказал искать ночлег. Они отмахали по лесу немало верст, прошли почти треть пути и приблизились к Рязани, как только смогли. Требовалось дать отдых воинам и коням,

выбивавшимся из сил. Неизвестно, что ждало их завтра. К удивлению воеводы, разведчики вернулись быстро, но с неожиданными вестями.

– Нашли стоянку? – упредил их доклад воевода, остановив коня на опушке холмистого леса. Здесь начинался уклон. Справа и слева от опушки вниз уходило два больших оврага, сплошь поросших соснами да березами.

– Нашли, Евпатий Львович, – кивнул ратник, – только занята она.

– Как так? – поднял брови Коловрат. – Здесь, в лесу, занята? Кем?

– Не ясно, Евпатий Львович, – пожал плечами старший из разведчиков, – не то разбойники лихие всей ватагой прячутся в чащобе, не то крестьяне беглые. Хотя и с оружием промеж них люди попадаются. Костры жгут, мясо жарят. Видать, не первый день здесь стоят. И много их там. Не одну сотню насчитали. Даже дозоры выставили. Только не служилые люди, это точно. Охраняют лагерь они плохо, подобраться близко можно незамеченными. Мы бы их быстро урезонили, если прикажешь. Можно по-тихому подойти.

– Значит, не татаре?

– Нет, – махнул головой ратник, – нашенские.

– Далеко ль сии люди расположились? – нахмурился воевода.

Упоминание про разбойников и крестьян вызвало у него сразу несколько подозрений, но и зародило надежду.

– Там, – махнул разведчик рукой назад, – чуть подалее овраг уходит вниз. С полверсты будет. Вот в ложбинке, укрытой со всех сторон непроходимым лесом, они и пригреблись. Даже землянок понастроили вроде бы.

– Землянок, говоришь, – повторил воевода за ратником и кивнул Ратише, что находился чуть поодаль: – Ну пойдем, посмотрим, что за люди такие по лесам прячутся. Некогда нам долее ночлег искать. Вот все и решим зараз.

На этот раз Евпатий послал вперед специально подготовленных бойцов, которые ходили с ним на разведку еще по пути к Чернигову. Коней оставили здесь. Закинув самострелы за спину, пешие ратники растворились в быстро сгущавшихся сумерках. Следом за ними двинулся и сам воевода с Ратишей. Остальные воины, в полной готовности к бою с неизвестным противником, ждали сигнала на опушке.

Зимние сумерки уже накрыли лес. Бесшумно приблизившись к лагерю во мраке, разведчики вырубили и повязали охранников – воевода приказал никого не убивать. Быстро прошмыгнув между двух землянок, рязанцы подкрались к ближайшему костру и прильнули к стволам деревьев в десятке шагов.

У огня, на котором жарили целого кабана, собралось почти две дюжины человек. Бородатые. Все в рваных кафтанах и зимних шапках, подпоясанные простой веревкой. Без доспехов и оружия, хотя несколько копий были приставлены к ближайшей березе. Впрочем, присмотревшись, воевода заметил еще одного воина, который был в кольчуге и при оружии. На вид это был русич. И, похоже, старший в этом отряде. Ибо остальные мужики обращались к нему уважительно, хоть и не боялись. Только лица его отсюда было не видно.

Коловрат сделал знак разведчикам выждать еще немного, чтобы дать время собравшимся у костра выдать себя хоть чем-то. Он пока не разобрал, кто это был – по виду крестьяне, но вполне могли оказаться и лихими разбойниками, или того хуже. Смущал его только русский на вид воин. Но воевода уже не раз встречал ряженных, а татарам по этой части было хитрости не занимать.

Мужики у костра балагурили вполголоса, обсуждая что-то. Один из них переворачивал тушу кабана над костром. И мясо было почти готово. Его запахи долетали даже сюда, раздражая воеводу, который не ел целый день. Но Евпатий терпел, стараясь не выдать себя раньше времени.

– Так чего ты там вчерась рассказывал про медведя, Кузема? – донеслось вдруг до Коловрата. – Расскажи еще раз. Повесели народ.

– А чего рассказывать-то, – громко отозвался невидимый Кузема, – сто раз уж сказывал. Ну, ходил я на медведя с рогатиной в этом годе. И добыл. И отец мой ходил раньше, и дед. Они меня и научили охотному ремеслу. У нас в деревне все охотники знатные были.

– Ой, врешь ты, Кузема, – донесся недоверчивый голос.

– Сам ты врешь, – обиделся Кузема, – истинный крест, ходил. Трех медведей уже добыл.

– Я вчерась следы медвединые видел у реки, – раздался еще один звонкий голос, – так ты, Кузема, сходи завтра поутру. Добудь еще одного медведя. Мы мясом полакомимся, да и шкура не помешает. А то, вон, отморозили себе все бока тут сидевши. Одежа прохудилась.

Кузема заколебался.

– Чтоб из лагеря отлучаться – дозволения спросить надобно, – пробормотал он уже едва слышно. – Тут ведь не только медведи шастают, но и татаре могут показаться. Не ровён час.

– А ты вон у Белояра спроси, он ведь тута главный. Верно я говорю, сотник?

– Верно, – раздался знакомый голос, от которого у Коловрата враз потеплело на душе, – только не до медведей нам сейчас. Завтра поутру...

Коловрат не стал дослушивать, что скажет сотник. Он встал во весь рост и открыто приблизился к костру, сжимая в руке самострел. Снег захрустел под его ногами.

– Ты сходи, Кузема, сходи, – громко объявил Коловрат, – я тебе даже самострел дам, если мясом поделишься. Ну а коли татарина подстрелишь, тоже добыча знатная выйдет. Так ведь, Белояр?

Все сидевшие у костра разом обернулись на звук голоса выступившего из тьмы человека с самострелом и застыли от неожиданности. Смех прекратился, голоса стихли. Больно уж грозен был вид пришельца, несмотря на ухмылку. Да к тому же из-за его широкой спины вдруг возникли бесшумно какие-то «духи лесные», окружив костер. Хоть и в лохмотьях они были, но тоже с самострелами. Сидевшие ближе всего к березе мужики потянулись за копьями.

– Не шали, – предупредил Коловрат, – свои.

И обернувшись к сотнику, сидевшему на бревне, повторил вопрос:

– Так ведь, Белояр?

– Верно, Евпатий Львович, – усмехнулся сотник, вставая навстречу и делая знак остальным, чтоб не дергались, – с хорошим самострелом можно и медведя, и врага лютого подстрелить. Ты откуда тут взялся, воевода?

– Ну, откуда взялся, там меня уж нет давно, – ответил повеселевший Коловрат, разглядывая лица оторопевших мужиков, все еще боявшихся шелохнуться, – я тебе так скажу: изда-лека. Лучше расскажи, ты-то как тут оказался, мил человек? Жив ли Захар, друг мой ситный? А сотник Еремей?

– Все живы, хвала Господу нашему, – ответил Белояр, махнув рукой в глубину оврага, где также виднелись костры. – Вон там оба сидят, в сотне шагов отсюда. Трапезничают. Пойдем, порадуем их. Я тебе все и расскажу. А чего забуду – они добавят. Тут у нас за последнюю седмицу много чего стряслось.

– Отчего не порадовать, – сказал Коловрат, разрядил арбалет и закинул его за спину на ремне, – можно. Только и я ж не один.

– С товарищами? – усмехнулся Белояр, кивнув на разведчиков, которые уже опустили арбалеты по знаку воеводы и сейчас разряжали их. Чему мужики у костра оказались несказанно рады. Выдохнув, они принялись дожаривать кабана на вертеле, то и дело нервно поглядывая на гостей.

– Ага, – наклонил голову воевода, отводя сотника чуть в сторону от костра, – да еще почитай семь сотен моих товарищей ждут вон за тем холмом. Прикажи их на постой определить да накормить. Я вижу, мяса у вас хватает. Хорошо вы тут устроились. Мы аккурат ночлег

искали, стемнело уже, а тут на вас и набрели. Думали – разбойники. Хорошо, что без крови обошлось.

– Сделаем, – ответил сотник, скрестив руки на груди. – Дозорные-то мои где?

– Плохо ты их выучил, сотник, – пожурил воевода и махнул рукой в темноту. – Там, в снегу лежат твои дозорные. Больно уж легко было вас врасплох застать. Окажись на нашем месте враги – все бы уже кровью умылись. А мы их лишь слегка приголубили. Связали и бросили. Скажи, чтоб их сюда притащили, да отогрели, пока они там дуба не дали. Мороз все-таки.

– Не серчай, боярин, – пригорюнился сотник, – сам видишь, кто у меня воевать должен. Крестьяне. Они копье-то еле держать научились, да и то бросают при первой возможности. Или вообще разбегаются. Как подошли татары к Пронску, половина мужиков деру дала. А оставшихся еле успели мы с Еремеем в лес отвести, чтоб не побили всех сразу.

– Да, воинство у тебя знатное, ничего не скажешь, – не удержался от ерничества Коловрат, поглядывая на мужиков, которые уже начали делить тушу, – пожрать любит. Избаловал ты их тут. Ишь, целого кабана на прокорм отдал. Мои, вон, дружинники, и то зайчатиной пробаваются в пути.

– Так сами ж и добыли, Евпатий Львович, – пожал плечами Белояр, – у меня тут охотников много, не голодаем. Голодный мужик воюет плохо.

– Ну, ладно, – махнул рукой воевода, – пушай полакомятся. Прав ты, когда еще мужик так сытно поест. Так сколько их тут у тебя осталось, говоришь?

– Тыща с лишком наберется, – ответил Белояр, – эти еще из лучших. Хоть пару раз копьем махнуть смогут, если заставить.

– Пару раз? Уже неплохо, – похвалил воевода. – Чует мое сердце, скоро все они придутся. Ладно, отдай приказ моих ратников на постой определить и пойдем, с остальными предводителями переговорим. Да и сам я бы не отказался перекусить. С утра по лесам шатаемся без отдыха.

Белояр кивнул и отошел к костру.

Получив приказания, десяток мужиков схватили копья и быстро разбежались кто куда. Растворились в темноте, словно их и не было. Коловрат тоже отправил двух гонцов в лагерь, а остальным разведчикам разрешил присесть прямо к этому костру. «Бой» был окончен, можно и поесть. Местные мужики, с сожалением поглядывая на кабана, мясом с лесными духами все же поделились. А вскоре меж ними уже и разговор завязался. Война войной, а перекусить всегда не грех.

– Ты говорил в последнюю седмицу много чего произошло, – напомнил Белояру его слова воевода, когда они уже шагали сквозь темноту от одного костра с ополченцами к другому. – Давно ль вы тут обосновались?

– Почитай уж третья седмица пошла, как тут живем, – сообщил Белояр, выдергивая ноги из неглубокого снега, – землянок даже нарыть успели. Как дошли слухи, что у Рязани татары появились, да под Ижеславлем первые конные разъезды заметили, тут Захар нам и приказал – уводить людей. Они с Еремеем сразу лагерь бросили и лесными тропами под Пронск вернулись. Тыщу крестьян там всего успели собирать, да толком никого обучить еще не смогли. У меня в лагере под Пронском две тыщи было. Но, как только татары появились у Пронска, так мы все вместе деру дали. Уж прости, Евпатий Львович, в бой ввязываться не стали. В открытом бою крестьянам несдобровать.

– Все правильно сделал, – подтвердил воевода, – не для открытого боя их собирали.

– Так пятки сверкали, только нас и видели. – продолжал Белояр. – Правда, по дороге к берегам Рановы больше половины крестьян деру дала. Разбежались кто куда по лесам, дурни. Оружие побросали. По домам решили вернуться. Будто им спасение у татар будет. Померзнут только по дороге и все дела.

– Тоже верно, – кивнул Коловрат, обходя заснеженную елку. – Мы под Пронском нашли две дюжины таких крестьян в лесу, замерзли насмерть. Видать, из твоих беглых.

– Ну, вот и пришли, – сообщил Белояр и первым обошел завал из бревен, прикрывавший от ветра большой костер, на котором тоже жарили кабана. Напротив плотной стеной росли три высоких ели, так что место выглядело укромным. Чуть в стороне виднелся небольшой заснеженный холмик с криво прилаженной деревянной дверкой – вход в землянку. Костры остального крестьянского воинства были едва заметны между деревьями еще ниже, по дну глубокого оврага.

– Смотрите, кто к нам в гости пожаловал! – произнес Белояр, выходя на свет.

У огня грелось несколько человек. Коловрат насчитал шестерых. Все это были люди ратные. Четверых воевода не признал в лицо. А двоих остальных ему доводилось видеть раньше и очень часто. Ближе всех к нему сидел приказчик Захар, замотавшись сразу в два фезы и нахлобучив шапку меховую по самые уши. Видно, холод его мучил сильно. А рядом ворошил в огне угли палкой сотник Еремей.

– Ну, здравы будьте, други мои! – громко возвестил о своем прибытии Коловрат и, увидел ошеломленные лица обернувшихся к нему людей.

Глава пятая

По лесам

Первым очнулся от оцепенения Захар.

– Святые угодники! – чуть не заплакал верный приказчик, вскакивая во весь рост.

Он скинул с себя второй ферязь, словно сразу позабыл про холод, и бросился на грудь своему хозяину.

– Евпатий Львович, – заголосил Захар, обнимая Коловрата, – где ж ты был так долго? Мы тебя тут заждались совсем.

– По делам княжеским ездил, сам знаешь, – чуть отстранил расчувствовавшегося приказчика боярин, – а что долго, так на то причины были. Да и дороги нынче не проезжими стали. Слыхали, что с Пронском стало?

– А то, – кивнул Захар, отступая на шаг. – Мы оттудова ели ноги унесли от татар этих поганых. Очень уж они там лютовать стали. Вон и дружинники пронские не дадут соврать.

Сказав это, Захар кивнул в сторону четырех ратников, сидевших у костра и поедавших мясо. Все они с интересом поглядывали на прибывшего из темноты рязанского воеводу.

– Дружинники, говоришь? – поспросил Евпатий, окинув взглядом незнакомых ратников и делая шаг поближе к костру. Ночка предстояла морозная.

– Да что это я, дурак старый, – залез безил вдруг приказчик, – ты садись ближе к огню, Евпатий Львович. Отдохни, поешь. Небось устал с дороги.

– Мясо бери, Евпатий Львович, – встрепенулся и Еремей, – сейчас отрежем.

Коловрат сел на бревно между Захаром и Еремеем, а Белояр устроился напротив, ближе к пронским ратникам. То, что среди ополченцев оказались и дружинники воеводы Ореха, заинтересовало сейчас Коловрата больше всего. Взяв поданный ему кусок мяса, Евпатий с наслаждением откусил, принимаясь за еду. Но все же не удержался от расспросов.

– Вы кто такие будете? – поинтересовался Коловрат, прожевав первый кусок. – И как здесь оказались, поведайте. Я ведь вас не знаю вовсе.

– Зато мы о тебе слышаны, Евпатий Львович, – отозвался один из них. – Звать меня Радеем, десятником служил я у воеводы Ореха в Пронске. А это мои товарищи боевые – простые ратники. Могу за всех рассказать.

Коловрат кивнул, присматриваясь к лицам незнакомцев.

– Несколько ден назад подошли татары под город и понуждали нас ворота открыть, – начал Радей. – Сначала послов прислали, думали испугаемся. Потребовали десятину во всем дать им и подчиниться воле хана. Тогда, мол, живы все будем. Но Ингварь нам велел до его возвращения держаться и ворота никому не отпирать.

– А вы? – спросил Коловрат, невольно поморщившись при упоминании князя Ингваря.

– Воевода наш посмеялся над ними в ответ и велел убираться восвояси. Тогда взъярился ихний хан, и пошли татары на приступ. Сначала с лестницами только, да Пронск не деревушка какая, не так-то просто взять. Стены – крепки, башни – высоки, ров имеется, хоть зимой от него и меньше толка. Три дня они стены пытались взять, а мы отбивались. Половина рати нашей полегло.

Радей перевел дух, который у него перехватило от воспоминаний тревожных.

– А на четвертый день увидали мы со стен, что появились у татар пороки⁷, прямо в поле выстроенные. И полетели в нас камни, затряслась земля под ногами. А следом и огненные шары в город стали падать. Пожар начался, жители мерли тыщами в огненном аду этом. Живых почти

⁷ Пороки – так на Руси в X–XVI веках называли все виды метательных машин. Как баллисты, так и катапульты.

не осталось к тому дню. Дымом все заволочло так, что неба не видно стало. А потом и часть стены рухнула. Смекнул тогда Орех, что туго нам придется, ежели пороки эти не изничтожить. Собрал он всех оставшихся воинов и пошел на вылазку. Я в том отряде был с ним и товарищи мои.

Словно в подтверждение своих слов, Радей обменялся взглядами с остальными ратниками. Те только кивнули в ответ, и десятник заговорил снова. Коловрат меж тем молча жевал, насыщаясь и ожидая продолжения.

– Вышли мы из города пешими, отбросили татар от ворот, и в атаку на пороки устремились. Недалече до них было, казалось нам, рукой подать. Прямо в поле стояли с охраной из пещев. Яростным вышел удар наш последний, много татар покосили, добрались почти до середины поля. Еще немного и порубили бы те пороки. Но тут подоспела татарская конница, в тыл нам ударила. Втрое больше их было. Опрокинули нас татары и стали топтать конями. Долго бились мы супротив них, но полегли почти все. А остальных, кто выжил, по всему полю рассеяли и в город уж никто не вернулся. Мне с десятком моим удалось в гуще битвы к лесу прорваться, правда, почти все, кроме нас, тогда и погибли. Видели оттуда мы, за деревьями спрятавшись, как татары в Пронск сквозь пролом хлынули. Целое море их было уже между нами и городом. Пал Пронск. А мы в темноте наступившей в лес ушли. Решили к Рязани пробиваться. На следующее утро чудом на ополчение крестьянское натолкнулись, с тех пор здесь и обретаемся.

– А с воеводой вашим что случилось? – произнес Евпатий, когда рассказчик закончил.

– Что с ним случилось, я уже не видал, – признался Радей, – потерял его в гуще схватки. Он все к порокам стремился и погиб возле них, так думаю.

– Может, в плен попал? – предположил Коловрат.

– Не такой человек наш воевода, чтобы татарам в плен сдаваться, – даже обиделся Радей, – изрубили его на куски, не иначе.

Евпатий на это лишь кивнул еще раз, замолчав. А сам поневоле думал так: «Орех вроде мужик крепкий был и не подлый. Только ведь Ингварю-предателю служил, не кому другому. А у такого князя и люди все с гнильцой могут быть. Каков поп, как говорится, таков и приход. Правда, в последнее время Ингварь больше с Тишило дела свои грязные творил. А воевода прежний вроде как и не устраивал больше, не зря же заменить его хотел. Так что, может, я напраслину на Всеволода навожу. Впрочем, если правду Радей рассказывает, то сгинул Орех в том бою как герой, и спрашивать не с кого».

– Видел я, что татары сотворили с Пронском, – вдруг заявил Коловрат, отбрасывая кость в огонь и глядя прямо в глаза десятнику, – сегодня утром еще, своими глазами. Сожгли ваш город, Радей, а тех, кто не погиб во время приступа, растерзали и разбросали по всему полю вокруг. В пищу воронам.

– Ижеславль тоже сгорел, – вставил слово потрясенный Захар, – мы когда уходили в спешке, я зарево до неба видал. Тоже, небось, никого не пощадили.

– За сотворенное зло мы отомстим, – заявил Коловрат. – Для того я и вернулся. Только...

Он обвел взглядом уцелевших ратников из Пронска.

– Мне дела срочные с людьми моими ближними обсудить надобно прямо сейчас. Так что вы не сердчайте, ребяташки.

Коловрат произнес это тоном человека, привыкшего повелевать.

– Найди им другое место для ночлега, Белояр, – обернулся воевода к сотнику, – пусть отдохнут. А нам тут, может, до рассвета сидеть придется.

– Как же так, Евпатий Львович, – опять всплеснул руками приказчик, – ты ведь сам издалеча, устал наверняка. Отдохни сначала, выспись. Потом дела порешаем.

– Некогда. На том свете отоспимся, – подвел черту Коловрат.

– Как скажешь, воевода, – поднялся Радей с товарищами, – мы теперь татар зубами рвать будем. Только прикажи.

– Не долго вам ждать придется, – успокоил их Коловрат, – а пока есть возможность выспитесь хорошенько. Силушка и злоба ваша накопленная еще пригодятся.

Едва Радей с остальными ратниками из Пронска исчез в темноте вслед за Белояром, с другой стороны подошли Ратиша с Лютобором.

– Ну как, устроили вас на ночлег? – спросил воевода, увидев своих верных помощников.

– Нормально, – кивнул Лютобор, – овраг большой, да еще на три рукава книзу расходится. Землянок нарыто немало. Потеснились крестьяне. Нашлось место и коням, и людям. Хорошее место для тайной стоянки, если от дорог далеко.

– Далекое, – кивнул Еремей, протягивая новым гостям по куску мяса, – за то время, что мы тут сидим, ни один татарин сюда не заехал. Дичи кругом много. Тут можно долго зимовать.

– Вы сюда не зимовать пришли, – напомнил Коловрат всем собравшимся у костра, а затем обернулся к приказчику. – А тебе я что наказывал?

– Ты ж нас сам в Рязань отправил, Евпатий Львович, вот мы и... идем туда... – пожал плечами Захар.

– Что-то не больно поспешаете, – усмехнулся Коловрат, – я куда приказывал ополчение привести?

– Собрать под Пронском и поставить их лагерем под Рязанью. Мы и стоим. Тебя ждем.

– Где? Я наказывал встать у впадения Прони в Оку, – напомнил воевода, – на дальнем берегу, в лесочке. Это совсем близко от Рязани, но место там глухое, болотистое, дорог тоже нет. А до тех мест отсюда еще почти два дня пути. Сегодня, если память не изменяет, мы только Ранову по льду перешли. Да, Ратиша?

Тот кивнул, ухмыльнувшись.

– Далекое от Рязани вы запрятались, други мои, – закончил журить подопечных воевода.

– Не сердчай, Евпатий Львович, – отвел глаза приказчик, который явно оттягивал начало боевых действий крестьянского ополчения под любым предлогом, – тут ведь татары кругом шастают, сам сказывал. А у нас бойцов стоящих маловато. Порубят в момент, остальные разбегутся. Мы идем туда, куда ты сказывал, только не быстро выходит.

Не хотелось ему воевать на морозе, это Коловрат понял сразу. Привык Захар больше к палатам боярским, кафтанам длинным, да уютным мастерским золотых дел мастеров. Дела хозяйские устраивать, с купцами договариваться. Да и вообще воевать – не его это было дело. Но то – в мирное время. А теперь все перевернулось. И один бог ведал, что дальше будет. Однако, увидев своего хозяина, Захар вновь ощутил прилив сил и даже храбрости. Воспрянул духом.

– Хочешь, боярин, завтра же в путь отправимся? – заявил осмелевший приказчик, – за день, если поспешать, уже в том самом месте будем. Прав ты, засиделись мы тут, тебя дожидаясь.

– Ну, раз так, – усмехнулся Евпатий, скользнув взглядом по лицам остальных ратных людей, – решено. Завтра же выступаем.

Захар даже опешил. Не ожидал от боярина такой прыти. Думал, устал хозяин. Отдохнет на обустроенной стоянке еще денек-другой, а там видно будет. Но слово не воробей... Боярин на дела скор был. Приказчик только вздохнул и смирился.

Еремей с Белояром, что недавно вернулся к костру, переглянулись. Ратиша с Лютобором молчали, поедая мясо. Для них дело было ясное: если завтра снова в путь, то нужно было силами запастись.

– Так что же, прикажешь поутру лагерь снимать, Евпатий Львович? – все же спросил Еремей.

Коловрат, только что распекавший приказчика за неторопливость, неожиданно задержался с ответом.

– Подумать еще надобно, – заявил вдруг воевода и добавил, заметив на краю вертела подвешенный котелок, от которого доносился аромат разнотравья: – Дай-ка мне отвару хлебнуть травного для согрева.

Еремей снял котелок с огня и плеснул пахучего отвара в долбленную чашку с длинной ручкой, похожую на ковшик. Протянул воеводе. Тот осторожно хлебнул, крикнул от удовольствия и призадумался. Над костром повисло молчание. Слышно было только, как потрескивают дрова, да изредка доносился смех мужиков, травивших охотничьи байки.

– Разведку вокруг справляли? – прервал, наконец, молчание воевода, обращаясь к предводителям мужицкого ополчения.

– А как же, – отозвался Еремей, – место тут тихое. До ближайшей дороги, ежели в сторону Рязани смотреть, полдня пути через чащу. Да и то дорогой ее не назвать, тропка худая. По ней волки да лисы чаще ходят, чем люди. Татар покудова там ни разу не видали. А вот дальше за ней, верстах в трех, еще дорога проходит. Вот по той уже можно и до Рязани добраться. Хоть пешком, хоть на коне. Туда давно людей не посылали. Седмицу назад последний раз. И вернулись они с известием, что свежие следы всадников видели во множестве на той дороге. В сторону Рязани проскакало не меньше пяти сотен человек. Не наших. Но из самой Рязани у нас давно вестей не было, что там творится, не знаем. А со стороны Пронска сюда вообще дорог нет. Сплошные реки да чащобы. Мы туда не ходим и следов не оставляем. Специально место выбирали такое. Как вы нас нашли – до сих пор непонятно. Чудеса, да и только.

– Чудеса или нет, ты благодари Бога, что это мы вас нашли, а не татары, – заявил воевода, отхлебнув еще отвара, который быстро прибавлял ему сил и бодрости. – Дорог там и правда не имеется. Но, видать, так сильно хотелось вас побыстрее отыскать, что нашли.

Коловрат усмехнулся, поглядев на своего приказчика, который опять кутался в две одежды, несмотря на то что сидел у костра, и добавил:

– Да еще Захар обо мне так громко думал, что я его издавеча услышал и на звон тот пришел.

Все сидевшие у костра поневоле рассмеялись. Захар посмотрел на хозяина, к которому после сытного ужина вернулась словоохотливость, но ничего не сказал. Он был рад, что вновь появился настоящий военачальник и ему больше не нужно решать судьбу этого ополчения, хоть и вместе с сотниками. Его дело с купцами общаться.

– Место и правда неплохое, – начал размышлять вслух Коловрат, – только здесь сидючи мы Рязани не поможем. А посему сделаем так: разделимся. Еремей с тремя сотнями мужиков все же здесь останется и начнет татарам сильно пакостить. Вылазки на дороги дальние совершать, да на обозы нападать. А после набегов здесь отсиживаться. Как устроимся на новом месте – я тебе дам знать. Будем сообща войну вести.

Еремей поднял глаза на воеводу, и тот прочел в его взгляде немой вопрос.

– Дам я тебе еще пятьдесят человек воинов своих в подмогу, чтобы мужикам было с кого ратный пример брать. Да этих четверых воинов, что после разорения Пронска выжили, тоже себе забирай. Пушай поквитаются с татарами.

– Добро, Евпатий Львович, – кивнул сотник, – начнем татар шерстить по дорогам.

– А всех остальных я завтра поутру с собой заберу и поведу по ближней дороге в сторону Рязани. Авось доберемся через день-другой без больших приключений к месту впадения речки Прони в Оку. Там, в глухом лесочке, еще одну стоянку выстроим. Оттуда набег на тылы татарские еще удобнее будет делать.

Коловрат замолчал на мгновение и вымолвил:

– А уже оттуда буду думать, как в саму Рязань проскочить. Князь меня заждался. Хоть и без подмоги, а вернуться надо обязательно. Если татары кольцо не плотное вокруг города держат, то найдем бреши и проскочим.

– А если крепко держат? – вырвалось у Белояра.

Воевода снова умолк. Не мог он людям своим рассказать, что есть из терема княжеского на высоком холме в Рязани тайный подземный ход, о котором только сам князь Юрий, молодой княжич Федор, хранитель тайн княжеских боярин Святослав да воевода рязанский знали. И то поведал о нем Евпатию князь Юрий перед самым отъездом посольства черниговского. Как раз на тот случай, если город в кольце окажется после его возвращения. Прорыт был ход тайно, глубоко под землей и выходил аккурат недалеко от тех потаенных мест, где собирался воевода обустроить вторую стоянку для набегов на тылы татарские. Отыскав этот ход по приметам, Евпатий и собирался проникнуть в город, если не повезет по земле до него добратся.

Всех, кто рыл этот ход, давно уж на свете не было. Казнили их тайно. А из немногих, кто знал о нем сейчас, большинство уже богу души отдали. Погиб воевода прежний Богдан, даже боярин Святослав вместе с княжичем Федором сгнули в стане татарском вместе. Вот и выходило, что тайной сей владели теперь только князь Юрий да Коловрат. Впрочем, мог еще знать и предатель Ингварь. Но об этом воевода хотел при случае выспросить у самого князя.

Но даже сам Юрий не подозревал, что существует из города еще один тайный ход. Буквально в прошлом году боярин Коловрат, ничего тогда еще не ведавший о княжеском подземном лазе, самолично и тайно ото всех решил построить свой подземный ход. На случай осады татарской, о которой знал наперед только он один. Прямо из своего терема.

Работу поручил верным приказчикам. Те нашли мастеров и работников. Но чтоб не убивать их потом ради сохранения тайны, пошли на хитрость. Договорились о работе на целый год. Вывезли людей сиих из других княжеств на крытых телегах с мешками на головах. Мешки же сняли только в холодной у боярина Евпатия, коего работники ни разу в глаза не видали. Да самих приказчиков тоже. Все через подставных людишек делали. Так мастера эти и работали целый год в холодной безвылазно. Землю добытую приказчики велели сначала по двору аккуратно разбрасывать, огороды расширять. Опосля вывозили на дальние огороды у стен крепостных, благо предлогов для этого было у них предостаточно. Никто не заподозрит.

Когда же работа была кончена, лаз прорыт и укреплен, работникам выдали золота, как обещали, чтоб на всю жизнь оставшуюся хватило. Опять надели мешки на головы и развезли тайно по своим домам. Так они и жили теперь каждый у себя, не зная, кому ход рыли и где он находится. И каждый год Богу свечки ставили, за то, что живы остались. Правда, из-за этой тайны чуть вся работа не пошла насмарку. Копали по размерам и направлениям, кои приказчики им выдавали. То есть вслепую. При выходе на поверхность мастера эти чуть в реку не угодили. Но обошлось. Тайный лаз выходил из-под земли аккурат в трех сажнях от поверхности Оки. Примерно в версте от города. Был хорошо спрятан и прикрыт от глаз случайных прохожих. Стоять рядом будешь и то не догадаешься. В крайнем случае за берлогу с обвалившимся входом примешь.

Но ничего этого Коловрат не мог рассказать тем, кто сидел сейчас у костра. Кроме верного Захара, конечно, который знал только про один ход. Поэтому, умолкнув ненадолго, боярин ответил Белояру так:

– Пробьемся в крайнем случае.

Порешив, что делать с рассветом, все уже собирались лечь спать перед дальней дорогой, как вдруг Еремей спросил тихо:

– А чего ж с подмогой-то не получилось, Евпатий Львович?

Коловрат вздохнул, нахмурился, чуть помедлил, но все же рассказал всем, кто не был с ним в том посольстве, об отказе Михаила Черниговского и предательстве князя Ингваря.

– Вон оно как, – закивал Еремей с пониманием. – Отказали нам черниговские. А Ингварь нам теперь враг первейший. Вот почему ты так про Ореха выпрашивал у пронских. И что же дальше то будет?

– А ничего, – отмахнулся Коловрат, – сами воевать будем. Доложу князю, а он решит, что дальше делать. Ты себе голову не забивай. Наше дело – землю родную защищать. Да помереть за нее, ежели потребуется.

– Оно понятно, – кивнул Еремей, соглашаясь.

А воевода вновь обернулся к Захару.

– От Макара-то нашего весточек не было? Из Коломны?

Захар отрицательно мотнул головой.

– Последний раз я от него получал известия, когда он еще в Ростиславле обретался, с месяц назад, мужиков тамошних сгонял в стойло. А вот перебрался ли он в Коломну, про то мне неведомо. Как татары нагрянули, так и гонцов стало посылать хлопотно. Самим бы выжить.

Коловрат помолчал немного, размышляя.

«Хорошо бы все ж таки разыскать Макара, да весточку ему переправить, – думал он, глядя на искры костра. – Перед тем как меня в Чернигов с Ингварем послать, князь Юрий сыночка его, бесшабашного Романа, аккурат в те места отправил вместе с войском в две тысячи копий. Верил ведь ему тогда. Должен был Роман Ингваревич, от Красного или даже Коломны, гонцов отправить к великому князю за подмогой во Владимир. А потом и Коломну укрепить в ожидании татарских набегов. Укрепил ли? Гонцов отправил за подмогой? Вот теперь мне про это очень узнать хочется. А то после злодеяний его батюшки у меня кошки на душе скребут. Не заодно ли они? Яблоко от яблони, говорят... У Юрия ведь наследников-то больше нету».

– Ладно, разберемся – объявил Коловрат вслух. – Тебя нашли, авось и Макар отыщется. А сейчас всем спать. Завтра поутру выступаем.

Глава шестая

Проклятое место

Выехав на возвышенность, Коловрат остановил коня. Рядом замерли Ратиша с Лютобором да приказчик Захар. Вслед за ними остановился и весь отряд ратников. Чуть ниже по склону вскинул руку в кольчужной рукавице Белояр, отдав приказ замереть мужикам из ополчения. Все стихло.

Вершина холма, густо поросшего лесом, надежно хранила их от чужих взглядов, зато далеко впереди, примерно в трех сотнях шагов, небольшая просека расширялась, выходя на открытое пространство. И ничто не мешало воеводе рассмотреть его отсюда, оставаясь пока незамеченным.

– Видишь, – указал вперед рукой Коловрат, обращаясь к Лютобору, – вон там наша тропка пересекается с большой дорогой. Примерно через версту по ней будет еще одна дорожка направо. Аккурат к вечеру она приведет к нашему укромному месту. Оттуда до Рязани полдня пути, не более.

– Вижу, – кивнул Лютобор, прислушиваясь, – дальше по этой дороге пойдём? Тихо вроде. За день татар не встретили, бог миловал.

Перед выходом воевода предупредил всех своих военачальников, рвавшихся в бой, что нужно постараться дойти до новой стоянки тихо, не ввязываясь в драку. А начинать вылазки можно будет, только обустроившись на новом месте и подготовив пути отхода. Да и то дождавшись его приказа. Сам воевода намеревался, устроив стоянку для войска, тут же проникнуть в Рязань потайным ходом. Он был почти уверен, что татары уже давно замкнули кольцо окружения вокруг города.

Умолчал Коловрат лишь о том, что пока не найдет тайное место, где выходит подземный лаз княжеский на поверхность, лишний шум ему ни к чему. Ведь место это вполне могло находиться сейчас недалеко от татарского лагеря. Искать нужно было по приметам, одному ему ведомым. А сделать это во время боя было невозможно. Да и сложить буйную головушку в случайной схватке раньше времени, не повидавшись с князем, было бы глупо. Поспешать, как известно, надо не торопясь.

– Может, и пойдём, – в задумчивости ответил воевода, продолжая приглядываться к пересечению путей, – если сильно не натопчем. Дорога теперь все время вниз спускаться будет. До самой Оки. Верно, Захар?

– Все так, боярин, – подал голос приказчик.

Коловрат поднял голову к серому небу, едва различимому меж верхушек высоченных берез и елей. Зимнее небо все утро томилось, но так и не разродилось пока снегопадом. А было уже за полдень.

– Только бы незаметно проскользнуть эту версту, – закончил он. – Ладно, идем. Лютобор, пусти разведчиков вперед.

Вернувшиеся разведчики доложили, что на дороге пока все тихо, хотя следов было во множестве и даже совсем свежих. Но ждать дальше было нельзя. И, тронув коня, Коловрат выехал с дружинниками на новый путь.

Эта дорога была заметно шире. На ней уже могли легко разминуться сразу двое саней или ехать в ряд аж четверо всадников даже зимой. Повсюду вчерашний снег был примят копытами многочисленных коней и следами от полозьев саней. Почти все они вели в сторону осажденного города. По всему было видно, что дорога проезжая и часто используется.

– Не ошиблись разведчики, – выдохнул в бороду Коловрат, обернувшись к Белояру. – Похоже, татары по этой дороге подкрепления посылают к Рязани да припасы подвозят. Чуть

позже сюда наведаетесь, а пока надо убираться подобра-поздорову, пока не появился какой-нибудь татарский отряд. А то, что следов много, это даже хорошо. Авось и наши среди них скоро затеряются. До первого снега.

Отряд рязанских ратников шел впереди растянувшейся колонны из ополчения. Воевода решил не тратить время на перестроения, в надежде, что удастся проскочить незамеченными эту версту. Все воинство Коловрата, состоявшее теперь из шести с половиной сотен ратников и без малого семи сотен ополченцев, первые полверсты по дороге преодолело спокойно. Оставалось уже немного до спасительной развилки. Но, едва дорога начала делать небольшой изгиб по зимнему лесу, как ополченцы пропали из вида за поворотом. И тут же, почти сразу, Коловрат услышал вопли и крики в хвосте колонны.

– Не проскользнули, – сплюнул Коловрат, выхватывая меч. – Захар – здесь оставайся. Лютобор, бери сотню и скачи вперед. Как найдешь развилку, стань там и держи ее. Никого не пускай. А мы пока поглядим на тех, кто напал на нас с тыла.

И, развернувшись, поскакал назад, увлекая за собой оставшихся ратников. Едва выехав из-за поворота, воевода увидел, что в хвосте растянувшейся колонны ополчения идет настоящий бой. Точнее, избиение. Отряд татарских всадников, внезапно напоротившийся на колонну из вооруженных русских мужиков, с ходу атаковал ее. Налетев как ураган, татары смяли последние ряды и принялись методично рубить головы остальным своими острыми саблями. Их атаку поддержали конные лучники, то и дело поливавшие колонну русичей стрелами. Те, у кого были щиты, – а таких набралось не более трети в отряде, – прикрывались ими, как могли. Остальные мужики, не имевшие брони, гибли десятками.

Ни о каком строе и речи не было. Все смешалось, как ни старался Белояр привести их к порядку своими криками. К чести ополченцев, даже захваченные врасплох, многие пытались сопротивляться. Навалившись со всех сторон, нескольких татар им даже удалось поднять на копыя.

«Надо подмогнуть, – промелькнуло в голове у воеводы, – а то сами не справятся, хотя могли бы просто числом задавить». Татарских всадников, как он успел рассмотреть, было совсем не много. Не более сотни. Во всяком случае тех, кто уже показался из-за поворота и вступил в бой. Никаких тяжеловооруженных ратников они перед собой не видели, оттого и пошли в атаку не раздумывая. А может, и вообще решили, что сильнее их воинов уже нет на всем белом свете. Коловрат решил их в этом разубедить.

– За мной, ребяташки! – крикнул он своим ратникам. – Чтоб ни один живым не ушел.

И доскакав до первых рядов ополченцев, обративших головы назад, рявкнул:

– А ну, расступись!

Его грозный крик разнесся над зимним лесом. Словно древнее библейское море, всколыхнувшись, расступились ряды ополченцев. Мужики с копьями и щитами бросались враспынную, в канаву, в лес, под деревья, едва успевая уворачиваться из-под копыт тяжеловооруженных всадников Коловрата. Увлеченные легкой победой татары не сразу заметили их, а когда увидели прямо перед собой, было уже поздно. Первыми ответили на новую угрозу лучники, осыпав атакующих градом стрел, но лишь ранили троих, обозлив русичей еще больше. Через мгновение первые ряды русских всадников и татары столкнулись – завертелась дикая свистопляска смерти. Зазвенели, скрестившись, мечи и сабли. Потекла кровь на снег белый.

Русичей было больше, но не все могли с ходу вступить в бой. Все ж таки дорога – не поле широкое. И это давало татарским лучникам возможность продолжать пускать стрелы по задним рядам атакующих. Но и у Коловрата были конные лучники, коих он поставил позади всех. И теперь они тоже стали пускать стрелы в ответ, волну за волной, быстро заставив степняков замолчать, ибо перебили почти всех. А еще были арбалетчики, но эти пока в дело даже не вступали. Слишком многие находились между ними и татарами. Тут лук, бивший через головы нападавших, был понадежнее.

Коловрат, первым доскакав до врагов, схлестнулся с их предводителем. Крепкий и мощный на вид багатур, в пластинчатых доспехах, тем не менее вертелся перед ним на коне, как юла. Очень долго не давая Евпатию ни достать себя, ни ранить, ни даже зацепить. Все русичи давно ускакали вперед, отгеснив татар, а воевода оставался на месте и не мог расправиться с первым поединщиком.

– Ах, ты шельма вертлявая, – разъярился, наконец, Коловрат, отбивая щитом резкие удары сабли, – поплясать любишь? Сейчас ты у меня попляшешь. Я тебе покажу, как мужиков наших рубить для забавы.

Наконец, воевода изловчился и снес татарину наверхие шлема с украшением из какого-то конского хвоста. На мгновение отвлекшись на разлетавшиеся перья и волосы, багатур чуть отвел в сторону щит. И тут же получил мощный удар мечом в бок. Клинок Коловрата пробил пластины доспеха, войдя в плоть. Кровь потекла из раны. Но багатур был еще жив. В ярости он размахнулся и обрушил удар своей тяжелой сабли на щит русича, который раскололся надвое. При этом татарин подался вперед, вновь раскрывшись.

Быстро отбросив ненужные обломки щита, Коловрат рубанул по руке и хлестким ударом отрубил татарину кисть, вместе с кожаной перчаткой. Кровь брызнула во все стороны, испачкав доспехи боярина. Тяжелая сабля, вместе со сжимавшими ее пальцами, упала на снег. А татарин, издав душераздирающий крик, покачнувшись в седле, опустил руку со щитом. Этого Коловрату хватило, чтобы последним смертельным ударом рассечь противнику горло. Заливаясь кровью, татарин рухнул под копыта коню.

– Знатно ты его разделал, боярин! – зашумели осмелевшие мужики, приблизившись к мертвому татарину и даже на всякий случай потыкав мертвеца копьями. – Крепкий был, шельмец.

– Да уж, – выдохнул Коловрат, осматриваясь вокруг.

Пока он бился с предводителем татарского отряда, бой на лесной дороге переместился далеко назад. На подмогу татарам пока никто не пришел. И русичи, превосходившие их числом, в короткой и жаркой схватке быстро уничтожили своих противников. Правда, и сами потеряли почти два десятка убитыми, да еще пятерых татары ранили крепко.

На глазах воеводы Ратиша зарубил последнего из сопротивлявшихся татарских всадников. Проверив дорогу еще на версту, русичи никого более не обнаружили. Видимо, это был отряд разведчиков, посланный куда-то татарскими ханами и случайно напоротившийся на вооруженных крестьян. Привыкшие всех побеждать, татары уже чувствовали себя хозяевами в рязанских землях и с ходу решили наказать своих будущих рабов. Это стало для них роковой ошибкой. У крестьян неожиданно нашлись заступники.

Проехавшись вдоль дороги, воевода насчитал не более сотни погибших татар.

– Ни один не ушел, – похвалился Ратиша, – как ты и наказывал, Евпатий Львович. Последних лучники ссадили.

И он указал на трех мертвых татарских всадников, валявшихся чуть поодаль посреди дороги. Тела всех троих были пробиты сразу несколькими стрелами. А кони бродили рядом.

– Эх, – проговорил воевода, оглядывая побоище на зимней дороге, – надо было хоть одного в полон взять. Потолковали бы вечером: кто такие, откуда, куда ездили? Ну теперь уж чего. Уходим отсюда, пока еще кто-нибудь не нагрязнул, числом поболее.

– Что с погибшими делать? – спросил Лютобор, осаживая коня рядом.

– Заберите наших мертвецов, позже похороним, – приказал Коловрат, – а убитых крестьян оставьте. Пусть татары потом думают, что это наши мужики их перебили. И боятся не меньше ратников.

– А ну как не поверят? – возразил Лютобор. – У татар ведь раны сеченые, да стрелами многие биты. А мужики ведь только с копьями да топорами.

– Ничего, – отмахнулся Коловрат. – Если мертвецов других не найдут, что им думать? Духи посекали? Может, и не поверят. По-любому поостерегутся потом для забавы крестьян жизни лишать. И нам это только на руку выйдет. Кто знает, сколько еще придется по лесам бегать да на обозы нападать. Пусть лучше они каждого куста на Руси боятся.

Помолчал немного Лютобор и согласился.

– Прав ты опять, Евпатий Львович, – кивнул он, натягивая поводья гулявшего под ним коня. – Пусть каждого куста боятся, поганые.

Собрав убитых и раненых ратников, отряд Коловрата продолжил путь и вскоре благополучно свернул на нужную тропу. Едва только это случилось, как небо потемнело и разродилось долгожданным снегопадом. Снег повалил большими белыми хлопьями да так сильно, что люди перестали видеть друг друга уже в дюжине шагов.

– Вовремя, – произнес ехавший впереди колонны воевода, бок о бок с Ратишей, а чуть позади них покачивался в седле верный Захар. – К вечеру засыплет все так, что и следов наших не останется.

Тропа сузилась настолько, что едва пара всадников могли по ней проехать рядом, а вскоре только по одному и можно было пробираться меж деревьями. То и дело тропа пропадала вовсе. Но воевода как ни в чем не бывало продолжал путь сквозь снегопад, словно видел дорогу в этой белесой мгле.

– Далеко ль нам до укромного места? – спросил Ратиша. – Да и где оно? Я все окрестности Рязани знаю, но в этих местах редко бывал. Только слышал о них что-то недоброе.

– До темноты будем. Аккурат по середке место то потаенное находится между руслом Оки и речки Пары, – ответил Коловрат, – примыкает к болотам непроходимым. Я его присмотрел еще летом. Когда с приказчиками по секретным делам здесь путешествовал, да чуть не сгинул в этих самых болотах, когда мы тут заплутали маленько.

При этих словах воевода вдруг обернулся назад и, повысив голос, произнес:

– Верно, Захар?

– Все верно, – отозвался расплывчатый силуэт в десяти шагах, – моя вина, боярин. Это я тебя тогда завел в эти болота. Бес попутал. А меня купец Иван Большой, что про окольную дорогу на Муром мне сказывал, которую ни один разбойник не ведает.

Коловрат кивнул и вновь стал смотреть вперед. Но умолк ненадолго. Слова приказчика про разбойников напомнили ему, что с другой стороны к этим гиблым болотам примыкает кузница Васьки Волка, бывшего атамана разбойников, с которым у боярина завелись кое-какие тайные дела перед самым татарским нашествием. И дела эти требовали продолжения в самом скором времени.

– И что, места там совсем непроходимые, даже зимой? – первым осмелился нарушить тишину Ратиша.

– Зимой там, конечно, пройти можно, – очнулся от своих размышлений Коловрат, – но знать надо, куда идти. Дорог туда нет, да и троп тоже почти. Места эти дурной славой пользуются. Будто там мертвые да утопленники по болотам шастают. Даже охотники туда не часто забредают. В здравом уме никто не сунется. А уж татары – тем более, и с проводником не доберутся. Аккурат то, что нам нужно для убежища. Но, если знать, как идти, оттуда до Рязани по прямой – полдня ходу. Только вот прямых путей там не найдешь.

Рязанцы уже довольно далеко ушли от дороги, и тропа, на которую они свернули, давно растворилась в снегу. Они просто шли за воеводой через лес не разбирая пути. След в след, чтобы не заплутать. Ратиша снова стал с опаской поглядывать по сторонам, но в этой белесой мгле ничего разглядеть не мог. Коловрат же продолжал спокойно вести отряд сквозь снегопад, то и дело останавливаясь и делая переключку.

– Сами-то не заплутаем, Евпатий Львович? – осторожно спросил Ратиша. – Уже не видать ни черта. А скоро вообще стемнеет.

– Не бойсь, – успокоил его Коловрат, – я приметы знаю. Одну из них уже прошли – кривая береза, до земли ветром согнутая, недавно по левому боку от нас проплыла. Скоро вторая будет – одинокая скала посереде леса. А как третью найдем – проход меж двумя валунами огромными, – считай, прибыли.

Не успел воевода описать Ратише приметы, как из белесой мглы возникла лесная поляна, словно озеро. А посереде нее тянулся в небо одинокий острый камень. Спутник Коловрата даже остановил коня от удивления.

– Вот это да, – ухмыльнулся Ратиша, – я и сам следопыт не из последних, но ты удивил меня, Евпатий Львович. В таком тумане прямо к примете вывести.

Воевода молча слизал снег с бороды, тронул коня шагом и продолжил свой неторопливый рассказ. Словно никакой войны и татар вокруг не было, а ехали они по своим делам на ярмарку. Снега на поляне оказалась не так много, и кони даже пошли быстрее.

– Скоро будем на месте. У самых болот там скалы на поверхность выходят, образуя три гряды, замкнутые меж собой. Внутрь иначе как через единственный проход не попасть. Меж ними овраги глубокие, лесом поросшие. Там, если нужно, и пару тысяч воинов схоронить можно, а весь наш отряд и подавно. В этих оврагах и устроим стоянку долгую, землянок нароем. Дичь вокруг водится непуганая. Охотников у нас много – прокормят все воинство, сколько потребуется. Но, думаю, до весны мы тут не протянем. Как начнем вылазки делать, рано или поздно дознаются татары. Только это будет уже не важно. Главное сейчас помешать им приступом Рязань взять, а тут любая подмога хороша будет.

Внезапно снегопад прекратился. Так же быстро, как и начался. Небо просветлело, а белесая мгла прижалась к земле. Кряжистые деревья раздвинулись, и в то же мгновение Ратиша прямо перед собой в десяти шагах увидел огромные валуны. Каждый сажень по пять в высоту. Словно рукой великана они были чуть отодвинуты друг от друга. В эту щель едва мог протиснуться один всадник. Позади валунов начиналась скальная гряда, высотой чуть ниже самих валунов, невесть откуда взявшаяся в этих местах. Никаких других проходов сквозь выросшие словно из-под земли скалы было не видно.

– Странное место, – подтвердил Ратиша.

Когда стемнело, весь отряд уже был размещен на постой по оврагам, а мужики успели даже вырыть несколько землянок. Заодно и похоронить убитых ратников в дальнем конце скал. Большинству же пришлось коротать первую ночь в шалашах из еловых лап. Но никто не роптал. Всем это место, защищенное каменными стенами, как настоящая лесная крепость, понравилось даже больше предыдущего. Защищаться и охранять его было легче. Главное было – запастись провизией.

Воеводе выстроили шалаш, рядом с которым развели костер и зажарили на нем несколько прихваченных еще с прошлой стоянки куропаток. У костра на ужин и военный совет боярин Евпатий собрал все тех же: Лютобора, Ратишу, Захара и Белояра. Понятное дело, после того как лагерь был устроен, а дозоры расставлены.

– День мы прожили, – подытожил воевода, на правах хозяина угощая всех мясом куропатки, – не без потерь, конечно, но могло быть и хуже. Теперь настало время обсудить день завтрашний. Хоть и устали мы все, но время не ждет. Ибо завтра утром я вас покину.

– Как так, – встрепенулся Захар, – опять?

Воевода пропустили мимо ушей восклицания своего приказчика и продолжил, обернувшись к предводителю ополчения:

– Ну, как тебе место, Белояр?

– Место знатное, – наклонил голову сотник, усмехнувшись, – по твоим словам недалече до Рязани отсюда, да только сам я отсюда не выберусь без провожатых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.